

ЗА ЗЕРКАЛЕ

КРИСТИНА
ГЕНРИ

18+

ЗЛЫЕ СКАЗКИ КРИСТИНЫ ГЕНРИ

Кристина Генри Зазеркалье

Серия «Злые сказки Кристины Генри»
Серия «Хроники Алисы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482545
Зазеркалье: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-156221-2

Аннотация

В Новом городе живет девочка по имени Элизабет, и у нее есть секрет: она умеет колдовать. Но кое-кто об этом знает – кое-кто, у кого имеется собственная тайна. Эта тайна – бабочка, которая живет в банке. Бабочка, которая должна была исчезнуть навсегда. Бабочка, которую раньше называли Бармаглот...

А где-то далеко идут Алиса и Тесак. Алиса мечтала о коттедже с тенистым садом на берегу озера, но, бредя вслепую в снежную бурю, она натывается на дом, который только кажется пустым и брошенным. В этом месте, скрытом в горах, люди ненавидят магию, потому что боятся ее. Это Деревня Чистых, и хотя Алиса и Тесак желали бы избежать ее, она лежит прямо на их пути...

Содержание

Прелестное создание	5
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кристина Генри

Зазеркалье

Всем девушкам, которые спаслись.

И всем тем, кто еще только учится спасаться.

Christina Henry

LOOKING GLASS

This edition published by arrangement with Ace, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

Copyright © 2020 Christina Henry

© В. Двинина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Прелестное создание

Элизабет Вайолет Харгривс – в новеньком голубом платье, со светлыми локонами, аккуратно подвязанными лентами, – сбежала по лестнице. Ей не терпелось показать маме и папе, какая она хорошенькая, хотя нетерпение и не помешало ей потратить пару минут, чтобы покрутиться перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон и восхищаясь собственной прелестью. Прервалась она, только когда горничная Дина сказала, мол, хватит уже, пора спускаться, а то она, чего доброго, пропустит завтрак.

Пропускать завтрак Элизабет совсем не хотелось. Поесть – к немалому огорчению ее матери – она любила и всем трапезам предпочитала именно завтрак. По утрам на столе всегда стояли баночки с джемом и сахарница, и Элизабет никогда не упускала случая шлепнуть на свой тост лишнюю ложечку джема или стянуть еще один кусочек сахара.

Мать, поймав ее на этом, непременно зашипела бы, по своему обыкновению, как змея, и заявила бы, что если Элизабет продолжит в том же духе, то станет совсем круглой, еще толще, чем сейчас. Но полнота не смущала Элизабет. Она считала, что пухленькой выглядит мягкой и милой, – и предпочитала быть именно мягкой и милой, а не жесткой и резкой, как мать.

Конечно, Элизабет считала маму красивой – или, скорее,

красивой там, за всеми ее гранями и углами. У нее были такие же светлые волосы, как у Элизабет, длинные и густые. Когда мать распускала их на ночь, они ниспадали колышущимися волнами до самой ее талии. Некоторые волны отличались серебром, но Элизабет совсем не думала, что мама старая, правда, и серебристые блики на ее прядях выглядели просто чудесно.

И глаза у Элизабет были материнские – ясные, синие. Но раньше мама много смеялась, и тогда в уголках ее глаз появлялись тоненькие морщинки. А сейчас между бровей ее залегла одна глубокая вечная морщина, и Элизабет даже не помнила, когда мама смеялась в последний раз.

«Нет, это неправда», – мысленно упрекнула она себя. Она *помнила*, когда мама смеялась в последний раз. Это было до Того Дня.

«Тот День» – так Элизабет называла день, когда она, спустившись к завтраку, обнаружила сидящего за столом отца, выглядевшего так, словно он за минуту состарился лет на двадцать. Он посерел, как зола в камине. Перед ним лежала свежая утренняя газета.

– Папа? – окликнула его Элизабет, но отец не услышал.

Она осторожно подошла поближе и увидела заголовок:

«ПОЖАР В ГОРОДСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ.»

Выживших нет – ужасающие рассказы потрясенных очевидцев».

Под кричащими строчками были фотографии: лечебница до и после пожара. Элизабет уставилась на картинку «до». Ей показалось, что здание смотрит на нее в ответ, как будто что-то дрожит, колышется под его стенами, желая вырваться, схватить ее и затащить внутрь.

– Элизабет! – Папа поспешно сложил газету и отодвинул хрусткие листы в сторонку. – Что, моя дорогая?

Она кивнула на стоящую перед ним еду:

– Завтрак. Мама уже поела?

– Н-нет, – ответил папа. – Мама неважно себя чувствует. Она еще спит.

Странно, ведь Элизабет, спускаясь по лестнице, определенно слышала мамин голос. Но папа сейчас явно о чем-то размышлял (так всегда говорила мама: «Папа Размышляет, Элизабет, Не Беспокой Его»), поэтому, возможно, он и забыл, что мама уже была здесь.

Элизабет забралась на свое место, прикрыла, как полагаются, колени салфеткой, разгладила ее и стала ждать, когда Хобсон ее обслужит.

И едва дворецкий выступил вперед, попросила:

– Яйца и тост, пожалуйста, Хобсон.

Слуга кивнул, снял с блюда крышку, и Элизабет заметила, как трясется его рука, накладывающая большой серебряной ложкой на ее тарелку яичницу. Потом он взял щипцами два кусочка хлеба с подставки для гренок и положил тосты рядом с яйцами.

– Джем, мисс Алиса? – Хобсон протянул Элизабет баночку.

– *Не* Алиса, – прошипел папа сквозь стиснутые зубы, и голос его был так резок, что Элизабет даже подпрыгнула. – Элизабет.

Хобсон поднес дрожащую руку к лицу, и Элизабет с удивлением увидела, что он смахнул слезу.

– Хобсон, с тобой все в порядке? – спросила она.

Старый дворецкий ей нравился. Он всегда припасал для нее пару кусочков сахара – прятал их в носовом платке – и затем тайком передавал ей за обедом.

– Да, мисс Ал... Элизабет, – твердо заявил он. – Со мной все в полном порядке.

Он поставил джем возле чашки Элизабет и, отступив, встал у стены за спиной папы. Элизабет, хмурясь, наблюдала за ним.

– Папа, кто такая Алиса? – спросила она.

– Никто, – отрезал папа своим голосом «Без Разговоров!». – Думаю, Хобсон просто о чем-то задумался.

Однако Элизабет рискнула послушаться отцовского предостережения:

– Тогда почему ты так рассердился, когда он сказал «Алиса»?

Странное у папы стало лицо, какое-то мучнисто-пятнистое, и он словно с натугой глотал слова, пытающиеся вырваться у него изо рта.

– Тебе совершенно не о чем беспокоиться, Элизабет, – выдавил он наконец. – Завтракай. Приятного аппетита. Бери побольше джема, если хочешь.

Элизабет переключила внимание на тарелку, довольная разрешением вволю наесться джема. Конечно, она была не настолько глупа, чтобы не понимать: папа пытался ее отвлечь. Хотя, вообще-то, джем стоил того, чтобы отвлечься.

Честно говоря, она и впрямь чуть не забыла о Происшествии за Завтраком, только вот позже, поднимаясь за книгой, услышала какой-то приглушенный шум в материнской спальне. Элизабет наклонилась, прижала ухо к замочной скважине и прислушалась.

– Алиса, Алиса, – повторяла мама, и голос ее звучал так, словно она плачет.

– Алиса, – пробормотала Элизабет себе под нос и припрятала это имя в тайники памяти. Оно что-то означало. Никто не хотел, чтобы она знала, что именно, но означало оно что-то определенное.

Элизабет не знала, почему сейчас, спускаясь по лестнице в своем новом прелестном платье, вспомнила о Том Дне. Тот День был странным, сбивающим с толку, и все взрослые в доме разговаривали приглушенными голосами.

Ее старшая сестра Маргарет даже приехала с другого конца Города в экипаже, чтобы побеседовать с родителями в гостиной, а Элизабет в недвусмысленных выражениях приказали отправляться в свою комнату и оставаться там, пока

длится это их несомненно интересное совещание.

Маргарет была намного старше Элизабет, на целых двадцать лет, и у нее самой уже подрастали две дочки. Девочкам было девять и десять. Элизабет – девять, но им приходилось называть ее «тетя Элизабет», и ей, чего скрывать, нравилось пользоваться авторитетом, приложенным к званию тети. Как тетя она могла указывать, во что именно играть, и они слушались, а если не слушались, Элизабет могла отчитать их, не навлекая на себя неприятности.

Они увидят Маргарет, ее мужа Даниэля (который всегда называет ее «сестрица Элизабет» и смешно щекочет ей щеки своими усами) и их девочек сегодня, в День дарения. Все городские семьи соберутся на Большой площади, чтобы их дети получили подарки от Отцов Города.

В прошлом году Элизабет заметила: некоторые семьи – и даже ее собственный папа – тоже дают Отцам Города что-то взамен. Что именно, она сказать не могла, поскольку лежало оно в запечатанных конвертах.

Элизабет задержалась у двери в столовую, чтобы удостовериться, что папа и мама там – ей хотелось торжественно появиться перед ними и услышать, как они оба охают, и ахают, и восхищаются ее великолепием. Сейчас родители негромко переговаривались, передавая друг другу джем и масло.

Величаво шагнув в комнату, Элизабет застыла у самой двери, театрально придерживая пальчиками расплавленный

подол платья. Мама еще не видела этого наряда, потому что в магазин за ним Элизабет ходила вместе с Диной. Элизабет хотелось удивить всех, сделать сюрприз. И, конечно, ее волосы никогда не лежали так красиво, как сейчас. Нынче утром Дина расчесала их особенно тщательно.

– Та-дам! – воскликнула Элизабет, ожидая аплодисментов.

Но мама не захлопала в ладоши. Мама ахнула и выдохнула:

– Алиса!

Папа побагровел, тут же мгновенно побелел и, глядя на маму, сказал, словно предупреждая:

– Алтея!

Мама зажала ладонью рот, и Элизабет услышала сдавленные всхлипы, просачивающиеся между ее пальцами.

«Опять Алиса», – подумала Элизабет. На сей раз имя вызвало у нее не столько любопытство, сколько раздражение. Кто такая эта Алиса, чтобы красть триумф Элизабет? Где все причитающиеся ей охи и ахи?

– Что такое, мама? – спросила она. – Разве ты не считаешь, что я очень хорошенькая в этом новом платье?

Папа надолго притер к чашке, сделал огромный глоток и со стуком поставил ее на блюдечко. Потом раскинул руки навстречу Элизабет, и та, подойдя, взобралась к нему на колени.

– Конечно, ты выглядишь замечательно, сладенькая. Ни-

когда еще я не видел столь прелестного создания. – Он подмигнул дочке. – Кроме твоей мамы, конечно. А ты – просто ее копия.

Элизабет гордо улыбнулась через стол маме, которая, кажется, изо всех сил старалась взять себя в руки. Она смотрела на Элизабет так, точно та была привидением, а не ее собственной дочерью.

– Ты тоже очень хорошенькая, мама, – смилостивилась Элизабет.

Мама действительно выглядела чудесно в своем белом платье, том самом, которое всегда надевала на День дарения. Это платье, самое красивое из всех, никогда не вынимали из шкафа, кроме одного-единственного, особого дня в году. Обычно мама носила его с розовым поясом, но сегодня пояс на ней был синий, чуть темнее голубого платья Элизабет. Интересно, а что случилось с розовым?

– Элизабет сказала, что ты хорошо выглядишь, Алтея, – сказал папа.

Произнес он это так, словно, разговаривая с ребенком, напоминал ему о хороших манерах. Элизабет никогда не слышала, чтобы папа обращался к маме таким образом.

Мама зажмурилась, судорожно вздохнула – и снова открыла глаза. Странное выражение не совсем исчезло с ее лица, но теперь она все-таки больше походила на маму.

– Спасибо большое, Элизабет, – сказала мама. – Ты в этом платье очаровательна.

Если бы мама произнесла это своим обычным голосом, Элизабет просто раздулась бы от гордости, но голос мамы звучал совсем не обычно. Он был напряженным и жестким, и мама определенно не имела в виду то, что сказала. Элизабет знала это наверняка.

– Почему бы тебе не позавтракать? – спросил папа и поцеловал дочку в макушку, давая понять, что ей пора уже спрыгнуть с его коленей и отправиться на свое место.

Так она и сделала, хотя бóльшая часть сегодняшней радости уже улетучилась. Ну что ж, возможно, ее платье похвалят Даниэль и Маргарет, когда приедут.

«И все же, – думала Элизабет, размазывая по тосту щедрую порцию джема, – я должна выяснить, кто такая Алиса».

Элизабет уже надоело, что эта Алиса постоянно портит ей хорошие дни.

После завтрака она отправилась в сад подождать прибытия Маргарет, Даниэля и племянниц.

– Смотри, не испачкай платье, – сказала мама. И голос ее звучал почти нормально.

Стоял самый разгар цветения роз – пышные, красные, они источали густой аромат, навевающий мечты и дремоту. Мама любила свои розы, никогда не подпускала к ним садовника и ухаживала за ними сама.

И, конечно, розы были жемчужиной этого сада, превосходя роскошью все другие цветы. Георгины и тюльпаны рядом с маминими розами выглядели грустными сокрушенными

ми солдатиками, потерпевшими поражение.

Элизабет пробралась в свое любимое местечко в саду – в укромный уголок под одним из розовых кустов, где могла спокойно сидеть, зная, что ее никто не заметит и не потревожит. Место было идеальным еще и потому, что между ее волосами и цепкими шипами роз оставалось вполне достаточно свободного пространства. Куст укрывал девочку очень хорошо, и никто бы в жизни не догадался, что она там, и ни в коем случае не увидел бы ее, не подойдя вплотную.

Хотя будь она немного повыше, то уже бы не влезла сюда, размышляла Элизабет. Она чуть подросла за последний год – не слишком, хотя и надеялась стать когда-нибудь такой же высокой, как папа. Мама у нее стройная, хрупкая и не очень высокая, пусть и выше большинства соседок, заходящих порой на послеобеденный чай.

Элизабет хотела иметь длинные ноги и руки, хотя и подозревала, что с ростом она отчасти потеряет свою округлость.

«Что ж, – подумала она, – не так уж и велика цена за то, чтобы быть высокой». И, конечно, если съесть достаточно торта, то всегда можно снова стать такой пухленькой, как ей нравится. По крайней мере, мама, похоже, винит в полноте дочери ее любовь к сладостям. Но, может, это и неправда. Может, Элизабет просто от природы такая.

Элизабет очень хотелось стать выше всех мальчишек на улице. Хотелось величественно взирать на них сверху вниз, чтобы они съеживались под ее взглядом. Тогда, может, они

не будут говорить всякие грубости о ее лице, и пухлых руках, и толстых бедрах. То, что она такая, не беспокоило ее до тех пор, пока ей не говорили что-нибудь эдакое. Хотя и тогда она беспокоилась только потому, что чувствовала, будто должна беспокоиться, а не потому, что ей становилось плохо.

Ну, почти.

Кроме того, только беднякам в Старом городе надлежало быть очень худыми. Элизабет видела, как некоторые из них прижимаются к решетке ограждения, когда экипаж ее родителей пересекает границу. Эти люди выглядели такими бледными, и тощими, и отчаявшимися, что Элизабет хотелось остановить коляску и раздать несчастным все свои карманные деньги.

Однажды она сказала это родителям, и отец усмехнулся:

– Благотворительность – это замечательно, Элизабет, но любые деньги, которые ты дашь этим существам, канут в бутылку. Не позволяй сочувствию ввести тебя в заблуждение.

Элизабет не поняла, что хотел сказать папа этим своим «канут в бутылку», поэтому позже спросила Дину, и Дина ответила, мол, так говорят о тех, кто пьет слишком много спиртного.

– А жители Старого города, они все бездельники, пьяницы и убийцы, насчет этого твой отец прав, – заявила Дина, расчесывая Элизабет волосы. – Ни к чему тебе о них беспокоиться.

Ее слова тогда показались Элизабет очень жестокосерд-

ными, но подобное говорили все взрослые, так что, наверное, это правда.

В укромный уголок Элизабет впорхнула маленькая оранжевая бабочка, на секунду опустилась на ее колено, хлопнула крылышками, словно дружески приветствуя девочку, и вновь улетела.

Красный лепесток слетел с куста и упал в точности на то же самое место, где только что сидела бабочка.

«Как бы мне хотелось, чтобы роза тоже была бабочкой, красивой красной бабочкой с крылышками, словно рубины».

Она пожелала этого – и, конечно, поэтому так и стало.

Лепесток начал расти, разделился надвое, миг – и вот уже на колене Элизабет сидит, поводя усиками, прелестная яркая бабочка с крыльями размером с ладошку Элизабет.

Элизабет вовсе не удивилась. Ее желания имели свойство сбываться, хотя для этого ей нужно было захотеть чего-то по-настоящему. Если бы она лениво протянула, мол, хочет мороженого, мороженое не появилось бы просто потому, что она так сказала.

Кроме того, желания сбывались чаще, когда она мечтала под розами, хотя Элизабет и не знала, почему это так. Возможно, потому, что заботилась о цветах, вкладывая в них свою любовь, ее мама, а не садовники, которые в любое время дня только и думали о перекусе.

Элизабет осторожно пересадила бабочку с колена на ла-

дочь. Бабочка и не думала улетать.

– Но бабочки должны летать, – сказала Элизабет. – Дома их не держат.

«Только если у них не оторваны крылышки».

Девочка в недоумении огляделась. Это был вовсе не ее голос. Это произнес кто-то другой.

«Кто-то ужасный, – подумала она. – Кто же станет отрывать крылья бабочке?»

«Завистливая Гусеница, которой никогда не взлететь», – ответил голос.

– Это ты – Завистливая Гусеница? – спросила Элизабет.

Она не понимала, откуда исходит голос, но звучал он определенно не в ее голове, как она сначала подумала. Это успокаивало, потому что Элизабет была достаточно взрослой, чтобы знать: слышать чужие голоса свойственно лишь сумасшедшим.

«Я? – Вопрос, видимо, сильно удивил голос. В этом коротком звуке Элизабет даже послышался смех. – О нет, нет, вовсе нет. Я ничему и никому не завидую, потому что я тот, кто хранит истории, а истории куда ценнее рубинов. В историях, в сказках заключены все знания мира».

– Так кто же тогда эта Гусеница, которая отрывает крылья бабочкам? – спросила Элизабет.

Она решила, что голос, который слышит, звучит как голос всезнайки, а поскольку у нее уже была старшая сестра, ей не хотелось связываться с никакими другими всезнайками. Од-

нако если он расскажет ей сказку, это может скоротать время до прибытия кареты, которая отвезет их на церемонию вручения подарков.

«Гусеница – он. Он был гадким. Очень, очень гадким и плохим, по-настоящему плохим, но Алиса заставила его заплатить за все его грехи».

– Алиса? – Глаза Элизабет расширились, а сердце в груди заколотилось чаще. – Ты знаешь Алису?

Возможно, сейчас она выяснит, кто эта несносная Алиса, этот призрак, от которого взгляд матери становится затравленным, а отец бледнеет.

«Конечно, я знаю Алису. Когда-то она была Алисой Кролика. – Голос сделался напевным, мурлыкающим. – Милая маленькая Алиса со своим милым приятелем, убийцей с топором. Милая Алиса, перерезавшая горло Гусенице и добившаяся того, что все рухнуло».

– Но кто же она такая? – нетерпеливо спросила Элизабет. «И почему никто не хочет, чтобы я это узнала?»

«Алиса проплыла по реке слез, прошла по улицам, залитым кровью, и нашла домик, увитый розами. Алиса бродила по ночному лесу, и танцевала с гоблином, и носила корону королевы».

– Не хочу я никаких загадок! Если не собираешься рассказывать нормально, я вообще не желаю с тобой разговаривать! – нетерпеливо заявила Элизабет и выползла из-под куста.

Бабочка слетела с ее ладони и опустилась на раскрытый цветок. Крылышки ее были точь-в-точь такими же красными и бархатистыми, как лепестки розы. Бабочку вообще нельзя было бы отличить от цветка, если бы не покачивающиеся на ветру усики.

Элизабет стряхнула с голубого платья травинки и лепестки, чувствуя, что день проходит совсем не по ее плану. Все должны были восхититься ее новым платьем, а на самом деле пришлось просто вытягивать из родителей похвалы. И этот раздражающий голос, который вторгся в ее грезы под розами. Вместо того чтобы рассказать то, что ей хотелось узнать, только оставил после себя еще больше вопросов.

И опять, опять, опять эта Алиса!

– Кто такая Алиса? – спросила Элизабет, хотя и не ожидала ответа.

Ей просто хотелось показать этому странному голосу, что он не сбил ее с толку.

«Ну как же, Алиса – твоя сестра, конечно».

* * *

Элизабет сидела, прижатая к дверце кареты, потому что ее племянницы, Полли и Эдит, потребовали, чтобы она поехала с ними, Маргарет и Даниэлем, а не в экипаже родителей.

В другой день она была бы только рада возможности поиграть с ними, вместо того чтобы напряженно прислушиваться

к приглушенным разговорам родителей, но сейчас ей хотелось спокойно подумать о том, что сказал тот голос, а под верещание Полли, которую щекотала Эдит, думать оказалось решительно невозможно.

– Эдит, немедленно прекрати, – хмурясь, велела Маргарет младшей дочери.

Эдит послушно сложила руки на коленках, но все сидящие в карете знали: как только внимание Маргарет переключится на что-нибудь другое, Эдит тут же снова полезет к Полли. Полли жутко боялась щекотки – достаточно было всего лишь коснуться пальцем ее щеки, чтобы она начала неудержимо хихикать.

– В чем дело, Элизабет? – спросила Маргарет, повернувшись к сестре. – Ты плохо себя чувствуешь? Обычно ты не такая тихая.

– Да, похоже, ночью к тебе приходила кошка, чтобы украсть твой язычок, – подмигнул девочке Даниэль.

Элизабет выдавила полуулыбку, потому что ей все-таки очень нравился ее зять.

– Наверное, я просто немного устала. Мало спала, думала о том, что будет сегодня. Я так волновалась.

Конечно, весьма нелепое оправдание. Спала Элизабет всегда исключительно хорошо. Она была способна заснуть при любых обстоятельствах, в любой позе, посреди любого шума. Даже перевозбужденная и чрезвычайно взволнованная предстоящим Днем дарения, она все равно проспала бы

всю ночь напролет и проснулась бы свежей и отдохнувшей.

Маргарет, однако, проглотила объяснение, ни на миг не задумавшись. А вот Даниэль покосился на Элизабет с подозрением, и она поняла, что он не уверен в правдивости ее слов, но муж сестры был слишком благовоспитан, чтобы сказать это вслух.

Карета Маргарет присоединилась к веренице экипажей, медленно продвигающихся в сторону Большой площади. Конечно, ее все равно придется оставить и проделать часть пути пешком, но высокий статус позволял им остановиться поближе к месту проведения церемонии.

Повсюду были солдаты, строго следящие за соблюдением этого правила. Ни тонкая лесть, ни прямолинейное предложение взятки не могло обеспечить чье-либо транспортное средство местом получше. Однажды Элизабет спросила папу, откуда солдаты знают, где кому полагается стоять.

– Дело в клейме, – ответил папа. – На каждой карете есть знак, крошечная отметка, которую обязательно ставят на любое транспортное средство при покупке. В соответствии с этими печатями солдаты и распределяют семьи по стоянкам.

И в следующий раз, оказавшись в конюшне, Элизабет попросила Фелпса, конюха, показать ей клеймо. Оно действительно было очень маленьким, располагалось в правом нижнем углу дверцы и немного приподнималось над поверхностью, как сургучная печать на конверте.

Наконец их карета остановилась – в нескольких минутах

хотьбы от кареты папы, потому что, хотя брак и связал Даниэля с древним семейством, его собственная семья была менее значительной, чем папина. Женитьба на Маргарет повысила его положение, но личная фамилия ограничивала тот уровень, которого он мог достичь, не внося какого-то значительного вклада в жизнь Города.

Элизабет не верила, что Даниэль когда-нибудь поднимется много выше. И дело не в том, что ему не хватало интеллекта – этого у него как раз было предостаточно, – но ему точно не доставало напористости. Элизабет часто слышала, как Маргарет замечала, мол, ему следовало бы меньше смеяться и больше работать. Но выговоры на Даниэля не действовали: он только хватал жену за талию и кружил ее до тех пор, пока щеки ее не вспыхивали маковым цветом и она не начинала хихикать как девчонка.

Когда Элизабет видела их такими, она чуть лучше понимала, отчего Даниэль вообще женился на Маргарет, потому что сестра частенько казалась слишком уж суровой для веселого нрава Даниэля. Маргарет держала свою радость на запоре, пряча ее, как тайный подарок, и лишь Даниэль знал способ отыскать ее.

Мама и папа задержались у кареты, дожидаясь остальных членов семьи, чтобы всем вместе отправиться в сторону Большой площади.

В обычном городе Большая площадь была бы географическим центром, но Новый город отличался от других горо-

дов, о которых Элизабет читала в книгах. Новый город был построен потому, что деды Отцов Города хотели избежать преступности и вырождения (это было папино слово; Элизабет не вполне понимала, что такое это «вырождение», но папин тон ясно говорил о том, что это Скверная Штука), которые распространялись все дальше от центра Города. Решено было, что центр надлежит огородить стеной и вокруг него кольцом выстроить Новый город. Обитать в нем разрешалось только богатым и знатным семьям, а всех воров и убийц оставили внутри, «подальше от приличных людей», как говорил папа.

Кстати, Элизабет думала, что в Старом городе остались не только воры и убийцы, но и те приличные люди, которым просто не хватило денег, чтобы выбраться оттуда. Но это было Весьма Спорное Мнение, поскольку, когда она высказала его, на нее тут же накричали все оказавшиеся поблизости взрослые, заверившие ее в том, что «в Старом городе живет лишь отребье».

Кольцо Нового города выполнило свою задачу – преступность теперь не расплзлась дальше от центра. Но скверна растет даже в отсутствие света, и вот обитатели Старого города начали громоздить этаж на этаж, здание на здание, и вскоре весь город уже походил на шаткую детскую постройку, готовую развалиться при первом же хорошем пинке.

Крыши Старого города маячили сейчас куда выше самого высокого здания Нового города – шестиэтажного Дома пра-

вительства, сияющего маяка из белоснежного мрамора, который должен был быть виден из любой точки Нового города. Однако сегодня из-за увеличившейся высоты Старого города живущие по другую сторону кольца не могли увидеть сверкающее здание – его заслонили покосившиеся башни и клубы смрадного дыма.

Дом правительства располагался на северной стороне Большой площади. С трех других сторон разместились резиденции Отцов Города: двенадцать одинаковых трехэтажных кирпичных зданий, по четыре на каждой стороне.

На Большой площади отсутствовала брусчатка, которой были выложены прочие улицы Города. Вместо нее на земле здесь лежали большущие мраморные плиты, такие же, как и облицовка Дома правительства. Этот мрамор чистили ежедневно – трижды в день двадцать четыре служителя ползали на четвереньках и соскребали мельчайшие пятнышки с белого-белого поля. Большая площадь не могла иметь никаких изъянов.

Двенадцать Отцов Города, потомки тех дальновидных людей, что остановили рост «разбухающего гнойника преступности» (еще одна фраза, подслушанная Элизабет, хотя уже и не принадлежавшая папе – папа не умел излагать в такой поэтической манере), ждали на возвышении перед зданием Дома правительства, чтобы поприветствовать семьи Нового города. Рядом с каждым Отцом стоял слуга с мешочком, в котором лежали монеты для детей.

Все семьи выстроились в очередь в соответствии с номером своего прихода – за каждый приход отвечал свой Отец. Строго говоря, каждый Отец являлся в некотором роде правителем своего прихода, хотя, насколько знала Элизабет, всю работу на самом деле выполняли уполномоченные представители.

В приходе Элизабет таковым являлся надзиратель Кинли, мерзкий старик, провонявший нафталином, настаивающий на том, чтобы Элизабет сидела у него на коленях, когда он приходит к папе с визитом. В последний раз она очень старалась избежать этой обязанности, утверждая, что уже слишком большая для того, чтобы уместиться на чьих-либо коленях. Но надзиратель так взглянул на папу своими пронзительными голубыми глазами (Элизабет не поняла, что значит этот взгляд, а вот папа, похоже, понял), что папа, громко сглотнув, сказал ей слегка дрогнувшим голосом:

– Ну же, Элизабет. Не такая уж ты и большая.

Мама отвернулась, когда влажная ладонь надзирателя погладила кудри и спину Элизабет. Элизабет так и тянуло увернуться от этих противных прикосновений, но она понимала: ему, похоже, это нравится (во всяком случае, он всегда хрипло хихикает, глядя ее, что, возможно, говорит о радости). И поскольку ей хотелось покончить с этим как можно скорее, она сидела смиренно, надеясь, что он быстренько насытится ее обществом.

Элизабет тряхнула головой, отбрасывая воспоминания о

Кинли: ее семья уже присоединилась к очереди. Полли и Эдит попытались протиснуться вперед, чтобы первыми получить монеты, но Маргарет одернула их, и они встали позади. Элизабет, поглощенная мыслями об Алисе и том загадочном голосе (а еще склизкими воспоминаниями о надзирателе, затаившимися, как зараза, в глубинах сознания), едва заметила происшедшее. Это, конечно, правильно, что она пойдет первой, – как-никак, тетя девочек, и ее отец гораздо важнее Даниэля, но в этот момент она не решилась бы утверждать, будто ей не все равно.

Она думала только об Алисе.

Голос сказал, что Алиса – ее сестра.

Мама и папа всегда говорили, что единственная сестра Элизабет – Маргарет.

И никто никогда не упоминал о ком-то по имени Алиса.

Кроме того дня, когда в газете напечатали новости о пожаре в лечебнице.

И дня сегодняшнего, когда Элизабет спустилась к завтраку в новом голубом платье.

«Когда-то Алиса, видимо, была моей сестрой, но потом ее отправили в лечебницу. Но если ее отослали, почему никто никогда не говорил об этом? Почему никто никогда не навещал ее?»

Велика, конечно, вероятность, что голос просто соврал ей.

«Или, если уж быть абсолютно честной с самой собой, Элизабет Вайолет Харгривс, никакого голоса не было вовсе.

Ты просто выдумала его от скуки».

Да, вероятно, тот голос был всего лишь плодом ее воображения, пытающегося объяснить, отчего все сначала упоминают о человеке по имени Алиса, а потом прикусывают язык.

Элизабет двигалась вперед вместе с очередью, слыша звяканье монет и многочисленные радостные крики «Спасибо, Отец!», эхом разносящиеся по Большой площади. Быстро ходить по мраморным плитам было невозможно. Мрамор и так скользкий, а с учетом ежедневной полировки каждому, кто ступал на него, волей-неволей приходилось передвигаться крохотными, семенящими шажками. Никто бы не смог уверенно промаршировать по Большой площади. Вероятно, так было сделано нарочно, чтобы заблаговременно привести подчиненных в соответствующее душевное состояние перед встречей с одним из Отцов.

Полли и Эдит нервно вертелись за спиной Элизабет, дергали ее за локоны и ленты, пытаясь заставить тетю обернуться. Но та только нетерпеливо отмахивалась от них. Не было у нее времени на поддразнивания племянниц. Слишком многое нужно было сейчас обдумать. Элизабет почти жалела о том, что сегодня День дарения, ведь ей было очень тяжело в этот момент находиться в окружении кучи людей, ждущей, что она улыбнется и поддержит беседу.

Очень, очень долгое время спустя (так ей показалось, хотя прошло, скорее всего, не больше четверти часа) Элизабет и ее семья достигли начала очереди. Отец Города, заведующий

их приходом, мистер Доджсон, вручая девочке сверкающую золотую монету, улыбнулся ей сверху вниз.

– Вы сегодня просто копия своей сестры, мисс Харгривс, – сказал он.

И было что-то очень странное в том, *как* он это сказал, точно в его словах таился какой-то глубинный, скрытый смысл, который Элизабет уловила только сейчас. Она отчего-то чувствовала, что сестра, о которой упомянул мистер Доджсон, – не Маргарет.

«Он говорит об Алисе. Вот почему мама выглядела такой потрясенной, когда я вошла в столовую утром, – она посмотрела на меня и увидела Алису».

Значит, голос не солгал ей. Хотя это и не обязательно означало, что голос действительно был – возможно, она пришла к правильному выводу и своим собственным умом.

«Хотя и непонятно, что это за история с Гусеницей и перерезанным горлом – возможно, какие-то остатки ночного кошмара, который я не запомнила».

Мистер Доджсон выжидающе смотрел на нее, и Элизабет поняла, что стоит перед ним, как глупая гусыня, держа монету и уставившись в никуда.

– Спасибо большое, Отец, – сказала она, присев в самом своем изящном реверансе, и скорее почувствовала, чем увидела облегчение родителей.

Только теперь, впервые в своей жизни, Элизабет осознала, что ее родители боятся Отцов Города. Более того – Отцов бо-

ятся все. Порицание Отцов способно разрушить семью, изгнать ее из Нового города на дикие пустоши, к неумолимому морю или, хуже того, – в кошмары и тьму Старого города.

– Мистер Харгривс, на два слова, – произнес мистер Доджсон, стиснул отцовскую руку над самым локтем и оттащил его назад на приличное расстояние, так, чтобы их разговор никто не услышал.

Случившееся не было столь уж необычным – мистер Доджсон часто использовал День дарения как возможность обсудить с папой тот или иной вопрос. Но Элизабет чувствовала, что на этот раз все иначе. Возможно, дело было в напряженном подбородке мистера Доджсона или в ледяном холоде его глаз. Вероятно, потому-то папа и вздрогнул при словах мистера Доджсона.

А может, он вздрогнул оттого, что губы мистера Доджсона – Элизабет ясно видела это, – шевельнувшись, уронили слово «Алиса».

«Алиса, Алиса, – сердито подумала Элизабет. – Почему эта Алиса так и преследует меня сегодня?»

Трудно было не почувствовать, что *эта Алиса*, которая, возможно (*вероятно*) была ее сестрой, изо всех сил старается испортить Элизабет идеальный день, который та нарисовала себе в воображении этим утром.

Элизабет вдруг жутко захотелось пить, больно заныли стиснутые блестящими лакированными кожаными туфельками пальцы ног, а от вплетенных в волосы лент вся голова

зачесалась. Вот бы отправиться прямо сейчас домой, на обед – Маргарет, Даниэль, Полли и Эдит должны были остаться, потому что День дарения в Новом городе – праздничный и после обеда подадут особый пудинг, потом семья раздаст подарки всем слугам, а взрослые – детям.

Элизабет не хотела тревожиться из-за призрака сестры, съездившегося отца и холодных глаз мистера Доджсона. Она хотела до отвала наесться жареной утки с картошкой, и маслом, и подливой, а потом еще впихнуть в себя самый большой кусок пудинга, какой ей только позволят взять. Хотела разорвать обертку коробки, которую вручат ей мама с папой, и найти там новую куклу или мягкую игрушку и провести остаток дня, охраняя подарок от жадных рученок племянниц. Хотела притвориться, будто все неприятные знания, полученные ею сегодня, – всего лишь глупая фантазия, разыгравшееся воображение девочки, замечтавшейся и задремавшей под розами.

Может, она все еще там, под кустом, крепко спит и скоро проснется оттого, что мама зовет ее и говорит, мол, пора уже ехать на площадь.

Папа и мистер Доджсон вернулись. Отец Города вежливо кивнул маме, улыбнулся, и мама кивнула ему в ответ. Вперед выступили Маргарет и Даниэль со своими дочерьми, а Элизабет с родителями отошли к краю площади подождать их.

Мама и папа тут же сблизили головы и начали переговариваться, цедя что-то сквозь зубы так тихо, что Элизабет их

не слышала. А когда девочка, любопытствуя, задрала личико, мама отмахнулась.

– Иди поиграй, пока ждешь Полли и Эдит, – сказала она.

Элизабет поняла намек – Не Мешай Взрослым С Их Взрослыми Делами – и, недолго думая, решила, что это не составит ей никакого труда. Неприятные мысли больше не интересовали ее. Она уже сыта ими по горло, спасибо большое.

Шаркая подошвами туфельек по полированному мрамору, она размышляла о том, сможет ли оставить такой след, чтобы его никто не смог отчистить.

«Вот бы тогда мистер Доджсон расстроился, но так ему и надо, – думала Элизабет. – Он живет прямо тут, и каждый день, идя к Дому правительства, он бы натыкался на черную отметину. И понял бы, что не все в его маленьком мирке идеально, правильно и упорядоченно, и эта мелочь не давала бы ему спать по ночам, как та горошина под матрасом принцессы».

Жаркий гнев вдруг разлился в ее груди, гнев, смешанный со стыдом от вида отца, дрогнувшего перед Отцом Города, и беспомощным разочарованием от осознания того, что ничегошеньки с этим нельзя поделать.

– Не уходи далеко, Алиса, – рассеянно уронила мама.

«Алиса. Снова Алиса. Всегда Алиса. Я не Алиса. Я *Элизабет*».

Она уперлась носком лакированной черной туфельки в

идеальную гладь белого мрамора и уставилась на нее.

Цвет стек с туфельки, от каблучка к носку, и разлился по мраморной дорожке. В один миг ее правая туфля сделалась тускло-розовой, даже белесой, а под подошвой расплылось огромное черное пятно. Не лужа, нет – краска впиталась в мрамор и застыла там. Элизабет поглядела на пятно со свирепой усмешкой. От такого не избавиться никакой полировкой, и каждый год, приходя сюда в День дарения, она будет видеть его и знать, что это она, Элизабет Вайолет Харгривс (*не Алиса*), оставила отметину.

Хотя жаль, конечно, того времени, которое слуги потратят, пытаясь исправить ситуацию. Возможно, если бы она очень-очень сильно захотела, пятном занялся бы сам мистер Доджсон, шокировав и слуг, и Отцов Города.

Подняв взгляд, она отыскивала на возвышении мистера Доджсона. Даниэль, Маргарет, Эдит и Полли все еще стояли там, рядом с ним, отнимая слишком много времени от и без того короткой встречи семьи в День дарения. Руки Маргарет лежали на плечах Полли, руки Даниэля – на плечах Эдит, как будто они хотели помешать девочкам выскочить на площадь теперь, когда монеты перешли в их руки. Глаза взрослых не отрывались от лица мистера Доджсона, и даже со своего места Элизабет видела, как нервно подергивается уголок рта Маргарет.

«Он и впрямь злой старый урод, – решила Элизабет. – Да, думаю, я пожелаю, чтобы он, увидев пятно, днями и ночами

пытался его отчистить – и безуспешно».

Элизабет никогда еще не испытывала свои желания на человеке, но была уверена, что все получится, если вложить в желание достаточно силы. В ней сейчас разбухла настоящая ненависть, и она не сомневалась, что сможет даже поджечь помост, если будет смотреть на него достаточно долго.

«По дороге домой сегодня вечером ты опустишь взгляд именно в тот момент, когда доберешься до этого места. И чуть только ты увидишь расплывшееся по мрамору пятно, как позовешь слуг и велишь им оттереть грязь. А завтра утром, когда у них ничего не получится, ты бухнешься на колени, схватишь тряпку и станешь драить и говорить: "Я сделаю это сам, я пробуду здесь столько, сколько потребуется". И ты никогда не уйдешь отсюда – ты останешься тут и будешь тереть, и тереть, и тереть, пока не умрешь с голоду».

Желание получилось слишком громоздким, но Элизабет хотела, чтобы все случилось именно так, как она себе представила. Поэтому она мысленно тщательно упаковала желание, превратив его в этакую завернутую в грубую оберточную бумагу посылку, какую доставляет почтальон, и метнула «сверток» в мистера Доджсона.

Голова его дернулась, будто от пощечины, и обращенные к Даниэлю и Маргарет слова, не успев выплеснуться, умерли на губах. Кровь отлила от лица мистера Доджсона. Элизабет увидела, как Даниэль потянулся к Отцу Города, словно чтобы поддержать, обнять его, но тут же убрал руку, наверное,

передумав. Мистер Доджсон не одобрил бы подобной фамильярности.

А мистер Доджсон меж тем замотал головой из стороны в сторону, точно пытаясь избавиться от неприятной мысли.

«Ты никогда не избавишься от этой мысли, нет-нет, это тебе за то, что ты заставил бояться моего папу».

Элизабет отвернулась, чтобы мистер Доджсон не увидел торжества на ее лице. Если бы он заподозрил ее в каком-то проступке, то мог бы наказать всю ее семью, и хотя семья ее бывала порой и утомительной, и непостижимой, Элизабет не хотела, чтобы с ними что-то случилось. Они ведь как-никак ее семья, и Элизабет полагала, что все они любят друг друга, даже если их поступки и говорили иногда об ином.

«Ты таки что-то особенное, сестра Алисы».

Опять этот голос, ужасный всезнающий голос, который приходит без приглашения и уходит, когда ему вздумается. Элизабет решила на этот раз не отвечать ему.

«Не разговариваешь со мной, сестра Алисы?»

«Я не сестра Алисы. Я Элизабет», – сердито подумала она и сразу упрекнула себя за то, что не сдержала данное себе обещание.

«Отлично, Элизабет», – сказал голос, еще больше раздосадовав ее, потому что она поняла: он попросту издевательски поддакнул ей. Девочка услышала скрытый смешок.

В этот момент Элизабет увидела кое-что странное – такое, чего не должно быть нигде, и уж точно подобному не место

на Большой площади в День дарения.

Она увидела узкий проход, почти что маленький туннель между домами Отцов Города. Нет, проходы между зданиями существовали всегда, в этом не было ничего особенного. Примечательным было то, что в одном из них стоял человек, одетый не в ливрею слуги Отцов Города и не в свой лучший костюм, как все мужчины на площади. Облачение его составляли штаны, бывшие когда-то, наверное, какого-то другого цвета, но сейчас определенно серые, серые оттого, что их явно никогда не стирали, а поверх штанов – рваная синяя куртка, слишком широкая в плечах.

Однако и не это привлекло внимание Элизабет.

Человек стоял спиной к ней и к площади. И у человека был птичий хвост – длинный, белый, дугой поднимающийся из-под полы куртки. Кроме того, Элизабет была почти уверена, что голые лодыжки мужчины, торчащие из штанин, такие же чешуйчато-желтые, как ножки цыпленка, продающиеся на субботнем рынке.

Она сделала несколько шагов в сторону человека-птицы, пораженная тем, что никто, кроме нее, кажется, его не замечает. Такой оборванец просто обязан был привлечь внимание стражников, патрулирующих площадь. Но, похоже, единственным, кто его видел, была Элизабет.

Белый хвост человека уплывал в темноту прохода. Он уходил, а Элизабет даже толком не разглядела его. А ей очень хотелось знать, какое у него лицо – тоже птичье или от пти-

цы там только ноги и хвост?

Девочка ускорила шаг, но скользкий мрамор не позволял бежать – она могла запросто опрокинуться навзничь, поэтому приходилось неуклюже семенить, торопливо шаркая ногами, что наверняка показалось бы смехотворным любому, кто бы увидел Элизабет.

Добравшись до края площади и нормальной брусчатки, она остановилась и, прищурившись, вгляделась в глубокий омут тьмы между зданиями. Ей почудилось, будто среди теней мелькнуло что-то белое, но она не была абсолютно уверена. Элизабет сделала еще несколько шагов, чувствуя себя ужасно смелой – никто не имел права приближаться к домам Отцов Города без специального разрешения.

Она оглянулась через плечо посмотреть, видят ли ее мама с папой, потому что знала: ее непременно отчитают, если все-таки увидят. Маргарет и Даниэль уже присоединились к ним, и они все четверо вели Очень Серьезный Разговор – это было понятно по тому, какой тесной группкой они стояли, как сблизили головы, чтобы никто из прохожих их не подслушал. Полли и Эдит ползали на четвереньках, пытаясь раскрутить свои новые монетки на мраморе, словно волчки, и Маргарет, несомненно, этого не замечала, иначе она непременно велела бы девочкам встать, пока они не испачкали свои платья.

«Никто не обратит внимания, если я улизну на секунду».
Больше Элизабет не оглядывалась. Она быстро юркнула в

проход между зданиями и застыла, ожидая, не поднимется ли тревога.

Но никто, кажется, не заметил ее ухода с площади.

Никто – кроме Голоса.

«Что ты делаешь, сестра Алисы?»

«Я же сказала тебе, я – Элизабет, а не "сестра Алисы"».

Ей было приятно, что голос зазвучал встревоженно. Она сделала еще пару шагов, дожидаясь, когда глаза привыкнут к сумраку. Элизабет больше не видела мужчины с белым хвостом, и ее охватило легкое разочарование. Наверное, она так и не узнает, птичье у него лицо или нет, и придется вернуться и крутить монетки вместе с Полли и Эдит, пока мама и папа не решат, что пора идти домой обедать.

Вдруг впереди прошуршали шаги и в конце дорожки сверкнули глаза. А потом Элизабет увидела, как белый птичий хвост исчезает за углом левого дома.

«Если поторопиться, я догоню его и посмотрю», – решила она и бросилась бегом.

«Нет, не надо, сестра Алисы! Не следуй за белым хвостом!»

– Почему бы нет? – пропыхтела на бегу Элизабет.

Она была не из активных, любящих скакать и резвиться детишек, и уже вспотела и запыхалась.

«Я – хранитель историй, и я уже слышал эту историю прежде».

– Моя история не такая, как другие, – возразила Элизабет.

«Истории пересказываются куда чаще, чем думают многие, потому что люди не умеют слушать и ничему не учатся».

Элизабет уже добралась до конца дорожки, которая оказалась куда длиннее, чем ожидала девочка. Она предполагала, что очутится между двумя садами позади домов (у Отцов Города наверняка должны быть самые большие, самые ухоженные сады, какие только можно вообразить), но вместо этого выскочила к Т-образному перекрестку с еще одной дорожкой.

Посмотрев налево, Элизабет увидела покачивающийся, исчезающий за домом белый хвост.

И она опять понеслась сломя голову, уверенная, что через минуту нагонит человека-птицу. Он ведь просто шел, а она – бежала. Настигнув мужчину, она похлопает его по плечу, тот обернется, посмотрит прямо на нее, и Элизабет увидит наконец, кто он такой: птица или человек. А когда увидит, то побежит назад, к маме и папе, и никто никогда не узнает о том, куда она исчезала и что сделала.

«Так говорила и Алиса», – заметил Голос.

– Ой, поди-ка ты прочь, – сказала Элизабет Голосу. – Подслушивать чужие мысли невежливо.

«Я только хотел сказать, что Алиса последовала кое за кем, за кем не стоило следовать, и не стала от этого счастливее. И ты, полагаю, не будешь».

– Я же велела тебе, убирайся!

Голос отвлекал ее, а ей нужно было сосредоточиться. Странно, но как бы быстро она ни бежала, покачивающийся хвост ближе не становился, хотя она смотрела во все глаза и была уверена, что человек-птица не бежит.

Элизабет почти не осознавала, что творится вокруг нее. Человек-птица завернул за очередной угол, и запыхавшаяся девочка раздраженно вздохнула. «Так я никогда его не догону. Может, лучше вернуться прямо сейчас?»

«Но в таком случае ты никогда не узнаешь наверняка, действительно ли это человек-птица или просто человек с засунутым под рубашку пучком перьев, и, если он просто человек, неужели тебе не интересно, зачем он сделал такую глупость?»

Справа под ребрами заныло, болезненно стреляя при каждом шаге. Элизабет успела проголодаться и не на шутку устать; она понимала, что отсутствует на площади уже достаточно долго для того, чтобы взрослые, когда она вернется, отругали ее.

«Да, мне нужно вернуться», – решила Элизабет, но, раздумывая, она успела добраться до того поворота, за которым исчез человек-птица.

И сразу увидела белый промельк и черный глаз, блеск которого скрылся за следующим углом, до которого было всего-то шагов десять.

– Подождите! – крикнула Элизабет. – Ой, пожалуйста, подождите! Я не причиню вам вреда! Я только хочу поговорить

с вами минутку!

И она рванулась к углу. Платье липло к спине, и она одергивала его на бегу. Ее прекрасные локоны и ленты тоже наверняка растрепались. Но человек-птица так близко! Элизабет видела его только что. До него всего пара шагов!

Она завернула за угол и замерла.

Элизабет оказалась на странном перекрестке. Она стояла в круге, от которого во все стороны отходило множество дорожек, как будто очутилась в центре солнца, среди его лучей.

Элизабет попыталась рассмотреть одну из дорожек, но смотреть там было особо не на что – свет мерк в нескольких шагах от нее, и конец прохода терялся в густой тени.

«Совсем как было там, где я впервые увидела человека-птицу».

Она повернулась к другой дорожке и увидела то же самое. Повернулась еще и еще, описала полный круг, чтобы убедиться, что все тропки выглядят совершенно одинаково. Только теперь Элизабет осознала, что не видит вокруг никаких зданий, не слышит шума людских голосов, не чувствует вкусных запахов, которые в праздник должны тянуться из каждого дома.

Повсюду вокруг высились безликие кирпичные стены, а над головой обнаружился такой же кирпичный потолок.

Она была не в проулке, тянущемся за домами Нового города. Она была в туннеле. И все выходы из круга, в котором она стояла, оказались одинаковыми.

Включая и тот, который должен был бы вести назад.

Впервые за все это время Элизабет кольнул страх. Где она? Девочка никогда не слышала ни о каком кирпичном туннеле. Если бы слышала, то могла бы, по крайней мере, определить, как далеко ушла от Большой площади. «Мама, и папа, и Маргарет, и даже Даниэль, который никогда не кричит, – все они будут очень, очень недовольны мной, когда я вернусь».

Элизабет несколько не сомневалась, что *найдет* дорогу назад. Сейчас пока неясно, какую дорожку выбрать, но скоро она вспомнит, откуда пришла, и просто вернется по своим следам. «И даже если я выберу неправильно, уверена, что выйду на улицу. По улицам ездят кебы. Я просто прикажу кучеру вернуть меня домой, а уж Хобсон найдет мелочь, чтобы заплатить за кеб. Пускай меня ждет взбучка, зато у меня будет и чудная история, которую можно рассказать Полли и Эдит. Они будут жутко мне завидовать, увидев, как я подъезжаю к дому совершенно одна, в кебе, как королева».

– Да, именно так я и поступлю, – сказала себе Элизабет.

Она сделала несколько шагов по одной из дорожек, склонив голову к плечу и прислушиваясь. Нет, это все-таки очень странно, что ни из одного из туннелей не доносится никаких звуков. Выбор было бы легче сделать, если бы варианты хоть чем-нибудь отличались друг от друга.

«Но тропки все равно неодинаковые, – размышляла Элизабет. – Все они ведут в разные места, каждая в свое. Я про-

сто пока не знаю, куда именно». Если хорошенько подумать, то ясно, что это всего лишь приключение и бояться совершенно нечего. Когда она пройдет по туннелю – какой бы ни выбрала, – то найдет кого-то, кто поможет ей добраться до дома.

В конце концов, именно так все и устроено в Новом городе. Все люди – часть одного сообщества, и неважно, что они, возможно, никогда не встречались друг с другом прежде. Элизабет знала наверняка: стоит ей упомянуть имя папы, и люди тут же поспешат ей на помощь. Так случалось всегда, когда они отправлялись за покупками, или в ресторан, или еще куда-нибудь. Всегда был кто-то, кто кланялся, приседал в реверансе и с жаром повторял: «Да, мистер Харгривс. Как вам будет угодно, мистер Харгривс».

Элизабет живо представляла, как некто распахивает перед ней дверцу кеба со словами: «Пожалуйста, осторожней, мисс Харгривс». Кучер аккуратно прикрывает ей колени пледом, а когда она устраивается поуютней, кто-то другой подбегает, протягивает ей пирожное из ближайшей чайной лавки и говорит: «Я буду весьма признателен, если вы возьмете это, мисс Харгривс», – и Элизабет кивает и спрашивает, что это за магазин, чтобы ее семья позже могла вернуться и купить там что-нибудь в знак благодарности.

При мысли о пирожном у Элизабет заурчало в животе. Ведь сейчас она должна была сидеть в своей карете, подъезжать к дому, готовиться к праздничному обеду!

– Так, Элизабет Вайолет Харгривс, чем скорее ты выберешь, тем скорее будешь дома.

Она встала в центр круга, зажмурилась и вытянула перед собой руку, представив, что это стрелка компаса. Затем начала медленно вращаться и через несколько секунд остановилась. И открыла глаза.

Туннель, на который она показывала, выглядел точно таким же, как остальные. Пожав плечами, Элизабет вошла внутрь.

«Будь осторожна, сестра Алисы! Будь очень, очень осторожна!»

Элизабет не была уверена, действительно ли услышала Голос. Он казался очень тихим и далеким – и одновременно близким и ясным.

Кроме того, она не нуждалась в советах таинственного Голоса, чтобы понимать, что нужно быть осторожной. Она углублялась в темный туннель, а в темноте так просто упасть и удариться.

Элизабет шла осторожно, уверенная, что в любой момент может увидеть свет в другом конце туннеля. Она уже предвкушала, как будет сидеть в кебе. Лакированные туфельки, утром выглядевшие такими нарядными, натерли ей ноги. Они не предназначались для бега. В таких туфельках нужно сидеть за столом, попивая чай, ну или стоять в очереди, чтобы встретиться с Отцами Города. Опуская глаза, Элизабет видела, как та туфелька, которая потеряла цвет, слабо

поблескивает в исходящем от входа свете.

«Интересно, как я объясню маме, что с ней случилось», – подумала девочка. Она знала, что никогда не сможет сказать матери правду. Мама ей никогда не поверит – даже если Элизабет проделает тот же фокус со второй туфелькой у нее на глазах.

Мама видит только то, что хочет видеть, а все остальное заканчивается фразой: «Беги поиграй, Элизабет».

На самом деле неважно, расстроится ли мама из-за туфли. Важно желание Элизабет. Когда она думала о мистере Доджсоне и том жутком страхе на лице папы, то чувствовала свирепую радость оттого, что этот Доджсон проведет остаток дней своих на четвереньках, оттирая пятно, оттереть которое невозможно. Это стоит любой взбучки, которую она получит от мамы за испорченную обувь.

Элизабет была так поглощена мыслями о маме, мистере Доджсоне, туфельке, кебе и пирожном, что поначалу и не заметила, как темно стало в туннеле. Очень темно, куда темнее, чем она ожидала. В том направлении, куда она шла, не было никакого света, а когда Элизабет оглянулась, то увидела, что вход в туннель превратился в крохотную точку.

– Но этого не может быть, – пробормотала она, нахмурившись. – Я не могла уйти так далеко.

Она двинулась назад к входу, полная решимости доказать истинность своего утверждения, но светлая точка прямо на глазах съежилась еще больше.

А потом исчезла вовсе.

В той стороне не было выхода.

Ледяной ужас захлестнул ее.

«В какие же неприятности ты вляпалась, Элизабет Вайолет Харгривс?»

Огромную глупость она сделала, погнавшись за каким-то странным незнакомцем только потому, что ей захотелось увидеть его лицо. Тогда это казалось безобидной забавой, минутным развлечением.

А вот теперь Элизабет оказалась в ловушке, в туннеле, далеко-далеко от дома, и путь назад закрыт.

Получается, что двигаться можно только вперед.

Но вдруг она доберется до другого конца и обнаружит, что выхода нет и там? Неужели она умрет здесь, в кирпичной могиле, иссохнув без света и воздуха?

Элизабет сжала кулаки:

– Ни за что!

И зашагала вперед, звонко цокая каблуками. Она вернется домой к маме и папе, и когда окажется там, то поклянется, что отныне и впредь будет вести себя очень, очень благоразумно.

– Я буду такой благоразумной, что меня даже можно будет назвать скучной.

Голос ее эхом отразился от стен и вернулся к ней, вдавившись в уши так, что Элизабет вздрогнула.

Благоразумной, благоразумной, благоразумной, скучной,

скучной, скучной...

– Вот именно. Я буду в высшей степени благоразумной. Я всегда буду делать то, что мне говорят, и не стану брать добавку джема за завтраком. Я тактично откажусь от кусочков сахара, которые попытается сунуть мне Хобсон. Я никогда и ни из-за чего больше не стану скандалить. – Она умолкла, размышляя. – Ну, может, только из-за сидения на коленях надзирателя. Не думаю, что это моя *обязанность*.

И из тьмы ей ответил голос, скрежещущий, как зерно под жерновами:

– Он хочет, чтобы ты это делала, просто потому, что он грязный старик. Когда ты сидишь у него на коленях и ерзаешь, его мертвый жезл вновь оживает.

Элизабет закричала. Просто ничего не смогла с собой поделать. Она ведь понятия не имела, что не одна в туннеле. Потом она рассердилась из-за того, что закричала, – рассердилась на себя, но куда больше на того, из-за кого закричала.

– Кто здесь? – требовательно спросила она самым что ни на есть «харгривским» тоном. Такому тону люди обычно повиновались.

– Да, ему нравится, когда ты вертишься так и этак, и он вдыхает сладкий запах твоих волос, и думает о том, что сделал бы, если бы твои родители вышли из комнаты, – продолжил голос. – О, ему бы очень понравилось, хотя тебе, полагаю, нет. Большинству девочек это не нравится, знаешь ли.

На этот раз голос прозвучал ближе, хотя Элизабет не слы-

шала во тьме никакого движения.

– Кто вы? – повторила она. – Если вы не представитесь должным образом, я не стану с вами разговаривать. Я не обязана стоять здесь и слушать о всяких грязных вещах.

От того, о чем говорил голос, кожа ее покрывалась мурашками, как будто вместе со словами невидимки в уши вползали крохотные омерзительные насекомые.

Конечно, в глубине души Элизабет знала: то, что делает надзиратель, – неправильно. Она не вполне понимала, что именно тут не так, но знала, что от этого чувствует себя плохо, – и этого было достаточно.

Голос хихикнул, и Элизабет отпрянула, потому что смешок прозвучал у самого ее правого плеча – достаточно близко, чтобы ощутить чужое дыхание. Этот голос не был похож на тот, другой Голос, шкодливо влезший ей в голову. Этот голос был жестоким и злобным, резким и скрежещущим. Этот голос никогда не видел солнечного света.

– Но грязные вещи случаются, мисс Харгривс. Грязные вещи, которые творят грязные люди.

Элизабет не обернулась, хотя владелец голоса наверняка стоял очень близко к ней. Она не собиралась доставлять ему удовольствие своим вниманием. Кем бы он ни был, он, очевидно, хотел напугать ее, а она не собиралась поддаваться страху, и точка.

– Меня не интересуют грязные вещи. Грязные вещи происходят только в Старом городе, – сухо сообщила Элизабет,

зашагав дальше.

– А где же, по-твоему, ты находишься, маленькая Алиса?

Она не видела собеседника, потому что тьма была абсолютной и непроглядной, точно на глаза набросили плотный плащ, но чувствовала того, кто говорил: он был очень, очень близко, так близко, что его длинные пальцы могли ее оцарапать.

В душе девочки полыхнул ужас, от которого зашлось сердце и затряслись руки. Ей захотелось бежать, и кричать, и плакать, и звать на помощь папу, но она сдержалась и заговорила так спокойно и ровно, как только могла:

– Боюсь, вы ошиблись. Меня зовут не Алиса.

– О нет, ты именно Алиса. Слишком любопытная и слишком глупая. Переполненная магией настолько, что почти светишься в темноте, переполненная настолько, что созываешь к себе всех охотников, даже не подозревая о том, крольченок. А крольчат, выбегающих из их нор, ловят лисы.

И он схватил ее, сомкнул пальцы на предплечьях, сжал так сильно, что, наверное, остались синяки. Его длинные-длинные ногти разорвали рукава ее платья и впились в кожу, словно заклеив ее ранами, словно пометив, как свою собственность.

Элизабет была напугана, напугана больше, чем когда-либо в своей жизни, но, кроме того, она разозлилась. Разозлилась из-за того, что опять прозвучало *это имя* и кто-то посмел настаивать, будто она не та, кто есть.

– Я. Не. АЛИСА!

Последнее слово вышло уже не просто криком, но воплем, первобытным ревом, вырвавшимся из самой души, а не из горла. Человек, державший Элизабет, отшатнулся и отпустил ее. Пахнуло жуткой вонью паленого мяса, гнили и дыма.

– Мои руки! – завопил чужак. – Что ты сделала с моими руками?

Элизабет не знала, что такого сделала, но поскольку не могла сказать, будто сожалеет о случившемся, то и не стала останавливаться, чтобы выяснить, в чем там дело. Она побежала. Элизабет бежала так быстро, как не бегала никогда прежде, бежала, пока вой боли и гнева не стих, растворившись в тенях туннеля за ее спиной.

– Насколько же длинный этот проход? – пропыхтела она, притормозив, чтобы перевести дыхание, и решив, что уже достаточно далеко от мужчины с длиннющими ногтями и скрипучим голосом.

Возможно, туннель этот был вовсе и не туннелем, а лабиринтом или даже кольцом. Она могла бежать вперед и врезаться напрямиком в того же самого типа, но с другой стороны.

«Думай, Элизабет. Думай, думай».

– Здесь точно есть вход и выход. Иначе как бы вообще этот человек оказался тут? Значит, выходы должны быть, просто они не на виду.

Она нерешительно потянулась влево, поводя руками во тьме, пока не ощутила под пальцами грубую кирпичную

кладку. Девочке пришло в голову, что в стене могут быть отверстия, ниши или щели, только их нужно найти. «А что, если я брожу тут в поисках двери, а дверь совсем в другой стороне, и я вообще не замечу ее?»

Элизабет тряхнула головой. Если беспокоиться обо всем подряд, она никогда ничего не добьется, а будет просто стоять, как испуганная гусыня, пока тот мужчина не достигнет ее снова. На сей раз он наверняка будет куда решительнее настроен поймать ее, а ей вряд ли удастся повторить то, что причинило ему боль в первый раз.

Элизабет медленно пошла вперед. Она водила руками по стене, вверх и вниз, насколько могла дотянуться, описывая большие полукруги. Каждые несколько секунд она останавливалась и вслушивалась, не подкрадывается ли к ней кто-нибудь. Элизабет не желала, чтобы ее снова застали врасплох.

Пару минут спустя (когда желудок принялся издавать чрезвычайно громкие стоны, способные заглушить признаки чужого присутствия) она остановилась, разочарованная. Нет тут никакой двери. Двигаясь с такой скоростью, она будет ползти целую вечность и не найдет ничего, кроме шершавой кирпичной кладки.

Девочка привалилась спиной к стене, сползла по ней вниз и села на пол. Ноги ныли так сильно, что хотелось снять обувь, но Элизабет понимала – это было бы неразумно. Она может наступить на гвоздь или осколок стекла, повредить

ногу – и тогда не сможет бежать, когда будет нужно. А бежать, возможно, придется, хотя она и не имела ни малейшего представления, куда именно. Здесь не было ничего, кроме мрака и кирпичей, которые тянулись все дальше, и дальше, и дальше.

«Но как же тот мужчина попал сюда? Позади выход закрыт, а впереди все темно».

Из уголка правого глаза выскользнула слезинка, но Элизабет нетерпеливо стерла ее костяшками пальцев. Плач делу не поможет. И никто не придет, чтобы спасти ее, ведь никто и понятия не имеет, куда она исчезла.

«Никто, кроме Голоса. Голос каким-то образом знал, куда я иду».

Здесь, в этой давящей со всех сторон тьме, было так одиноко, и ноги ужасно болели, и в животе урчало. Сейчас Элизабет только обрадовалась бы появлению Голоса-всезнайки. С ним она, по крайней мере, не чувствовала бы себя так, будто провалилась в какую-то яму без дна.

«Ты должна встать, Элизабет. Ты должна двигаться дальше».

Но так трудно представить, что идти вперед есть хоть какой-то смысл. Зачем изматывать себя, если идти некуда?

Вдруг она почувствовала, как что-то мохнатое обнюхивает пальцы ее левой руки. Какое-то крохотное существо, издающее едва слышный писк.

Элизабет положила руку ладонью вверх и ощутила цара-

панье взобравшихся на нее маленьких лапок. Потом зверек спрыгнул с ее ладони и торопливо шмыгнул куда-то. Мышонок.

– Эй, привет, мистер Мышь, – прошептала Элизабет. – Не убегайте. Я не причиню вам вреда.

И услышала, как мышонок возвращается. Легкие передние лапки зверька снова коснулись ладони Элизабет. Девочка не видела его, но представила, как тот стоит на задних лапках, глядя на нее снизу вверх блестящими бусинками глаз.

– Великаны всегда говорят, что не причинят нам вреда, а потом расставляют мышеловки, и бьют нас огромными метлами, и напускают на нас кошек, – сказал мышонок довольно писклявым голосом.

– Ну, у меня в кармане нет ни мышеловок, ни метел, ни кошек, – ответила Элизабет и только секунду спустя поняла, что разговаривает с мышью. *Разговаривает с мышью*, и мышь понимает ее, а она понимает мышь.

Она-то думала, что день не может стать более странным, но, получается, в день, когда ты бросаешься в погоню за человеком-птицей, нужно быть готовым к любым странным вещам.

– Еще ты можешь растоптать меня, – сказал мышонок.

– Я бы никогда такого не сделала! – воскликнула Элизабет, оскорбленная самой мыслью об этом. И тут же исправилась: – По крайней мере, нарочно. Я могла бы, наверное, наступить вам на хвост во мраке, но только случайно. Здесь,

знаете ли, очень темно.

– Только не для меня, – заявил мышонок, и Элизабет услышала в его голоске гордость. – Я вижу все так же ясно, как и при свете дня.

– Тогда, возможно, вы поможете мне, милый мышонок? Больше всего на свете я хочу выбраться отсюда. Не видите ли вы выхода, достаточно большого, чтобы в него могла протиснуться такая особа, как я?

Мышонок пронзительно запищал, выводя трели то громче, то тише, и Элизабет поняла, что зверек смеется.

– Глупая маленькая девочка!

– Я не глупая маленькая девочка, – надулась уязвленная Элизабет. – И это невежливо, говорить такое тому, с кем только что повстречался.

Мышонок сразу же посерьезнел:

– Нет, ты, конечно, права. Извини за смех. Но ведь не обязательно оставаться здесь, если тебе этого не хочется.

– Что вы имеете в виду? – опешила Элизабет.

– Ну, ты же волшебница, не так ли?

– Я?

«Какая еще волшебница?» – подумала Элизабет, но спрашивать вслух не стала, поскольку чувствовала, что мышка может опять рассмеяться, а ей совершенно не хотелось чувствовать себя дурочкой.

– Я чую в тебе магию, – сказал мышонок. – Ты разве не знаешь, что обладаешь ею?

– Ну... – медленно проговорила Элизабет, – я знаю, что иногда могу кое-что делать, кое-что такое, чего другие люди, похоже, не могут. Например, превратить розу в бабочку.

– Тогда, несомненно, – заметил мышонок с бесконечным терпением в голосе, – ты можешь превратить кирпичную стену в дверь.

Едва мышка произнесла это, Элизабет почувствовала себя очень глупой из-за того, что не подумала об этом раньше. Оправданием ей могли служить разве только усталость, и голод, и растерянность, и еще довольно сильный испуг, которые любого способны превратить в глупца.

– Спасибо вам, мистер Мышь, – сказала Элизабет. – Именно так я и сделаю.

– Полагаю, – с оттенком тоски протянул мышонок, – в твоём кармане не завалялась пара-другая крошек?

– Мне ужасно жаль, – ответила Элизабет. – Сегодня у меня ничего нет. Мама сказала, чтобы я не засовывала гренки в карманы, как делаю обычно, чтобы не испортить свое красивое платье.

– Ну ладно. Неважно. Крошки я могу найти где угодно, – вздохнул мышонок.

– Что ж, теперь вам лучше отойти, чтобы я случайно не наступила на вас. Это было бы скверной платой за добрый совет, – сказала Элизабет. – А может, вы хотите уйти из туннеля вместе со мной? Тогда вы могли бы залезть в один из моих карманов.

– Возможно, так будет лучше, – ответил зверек. – Ты, похоже, из тех, кому может понадобиться совет, а я, пускай и всего лишь мышшь, могу его дать.

– Отлично, – проговорила Элизабет, хотя и не думала, что ей снова может понадобиться мышиный совет. Хотя, выйдя из туннеля, она, возможно, найдет какую-нибудь еду и поделится со зверьком. Это будет доброе дело, ведь любезная мышка так помогла ей.

Девочка подняла мышонка и осторожно посадила его в большой передний карман платья. Тот чуть-чуть покрутился, а потом успокоился, удобно устроившись на дне кармашка.

Элизабет поднялась, вновь повернулась лицом к кирпичной стене, уперлась в нее обеими руками и подумала: «Я хочу, чтобы здесь появилась дверь. Прямо здесь».

Ничего не случилось.

– Тебе нужно получше стараться, – ткань платья приглушила и без того тихий голосок мыши.

«Ой, помолчи», – подумала Элизабет. Ей было достаточно тяжело и без мышиных комментариев, но девочка придержала язык. Совсем ни к чему затевать спор, когда она пытается решить эту проблему со стеной.

На самом деле – и в этом была загвоздка – она никогда по-настоящему не задумывалась о том, что творит *вошебство*. Это были всего лишь желания, легкие мысли, вылетающие из ее головы и воплощающиеся во что-то.

«Хотя мысль насчет мистера Доджсона отнюдь не была легкой, вовсе нет».

Как будто до сих пор ее желания хранились в бутылке, а мышка заткнула бутылку пробкой, назвав Элизабет волшебницей. Волшебство – это же что-то нереальное, что-то далекое, такое творят феи-крестные с тыквами или снежные королевы с зеркалами. Нет, Элизабет не сказала бы, что знает магию как свои пять пальцев.

Она подумала, не спросить ли мышку о том, что делать дальше, но тут карман платья мелко задрожал от какого-то тихого мерного звука. Зверек уснул и, кажется, захрапел.

«Храпят ли мыши?»

А почему бы и нет? Что тут странного? Если уж мышь сидит на задних лапках и разговаривает...

Элизабет покачала головой. Если она не сосредоточится на поставленной задаче, то застрянет в туннеле навсегда, и мышь только посмеется над ее неумелостью.

«Ни одна мышь больше не будет смеяться надо мной», – поклялась себе Элизабет и снова прижала ладони к кирпичной кладке.

«Хочу, чтобы здесь была дверь», – подумала она и на этот раз мысленно представила эту дверь. Чуть выше и чуть шире ее самой, дощатую, выкрашенную в белый цвет. Дверная коробка – голубая, как ее платье, а ручка – блестящая, серебристая. Пусть эта дверь открывается на бесшумных петлях, и – что, по мнению Элизабет, лучше всего – никто плохой

не сумеет ее увидеть.

Ни тот мужчина, который схватил ее, ни еще кто-нибудь вроде него нипочем не заметит эту дверцу, даже если дотронется до нее. Они не увидят ничего, кроме все той же кирпичной стены.

Элизабет почувствовала, как грубые кирпичи под пальцами превращаются в гладкое крашеное дерево ее двери. И как раз вовремя, потому что из дальнего конца туннеля вдруг донесся шум – оттуда, где оставался мужчина.

– Я поймаю тебя, маленькая ведьма, и когда поймаю, ты пожалеешь о том, что вообще появилась на свет!

Элизабет вцепилась в дверную ручку, оказавшуюся именно там, где ей и следовало быть, открыла дверь, быстро выскользнула из туннеля и захлопнула дверь за собой.

Но еще успела услышать последние слова, выкрикнутые женщиной:

– Ты пожалеешь о том, что появилась на свет! *Совсем как АЛИСА!*

* * *

Элизабет похлопала ладонью по двери, убеждаясь в том, что та плотно закрыта. Если ее желание сбылось, тот мужчина никогда не отыщет дверцу, а если и отыщет, здесь, снаружи, у нее куда больше возможностей сбежать от него. Наверняка кто-нибудь поможет ей, если мужчина попытается

догнать и уволочь ее.

Последние слова того типа непонятно почему поразили ее. Ей отчего-то не хотелось, чтобы Алиса вообще не появлялась на свет. Голос говорил об Алисе как о ком-то сильном и могущественном, о ком-то, кем Элизабет хотелось бы стать.

«Хотя еще он сказал, что Алиса пожалела о своем любопытстве».

Сама Элизабет очень, очень жалела о своем любопытстве, но теперь, когда выбралась из туннеля, была уверена в том, что все наладится.

Она потеряла глаза и поморгала. Свет снаружи был не таким уж и ярким – в воздухе висело подобие легкой дымки, – но девочка все равно чувствовала себя кротом, только что вылезшим из-под земли.

Постепенно пространство вокруг обрело четкость, и Элизабет едва не пожалела о том, что не осталась в туннеле. Возможно, ей следовало просто вернуться тем же путем, которым она шла, не думая о мужчине с длинными ногтями, пытавшемся ее схватить.

Дверца вывела ее на площадь, но этой площади Элизабет никогда прежде не видела. То была не Большая площадь и не какая-нибудь из площадей поменьше, что были разбросаны по Новому городу. У тех площадей всегда были парки, зверинцы или небольшие славные фруктовые рынки.

В этой площади не было ничего славного, и Элизабет по-

чувствовала, как вжимается спиной в дверь, из которой только что вышла, словно надеясь обернуться невидимой.

На площадь выходило несколько обшарпанных зданий, деревянных, посеревших от времени. На нижних этажах никто не жил – тут находились всяческие торговые помещения. в воздухе витали резкие запахи спиртного, мясных пирогов и еще чего-то, явственно отдающего отчаянием.

Верхние этажи каждого здания занимали квартиры, причем заметно было, что дома надстраивались: поверх первоначальных стен громоздилось три, четыре, а то и пять этажей. Элизабет никогда не видела таких высоких домов.

«Разве что издалека, в Старом городе. И тот мужчина сказал: "А где же, по-твоему, ты находишься?" – и я должна была сразу понять – понять, что забрела слишком далеко от дома».

Под крытыми входами некоторых домов теснились группы остроглазых мужчин, смолящих сигареты или потягивающих что-то из маленьких бутылочек, или делающих и то и другое разом. Все они были в грубых домотканых одеждах и кожаных башмаках, наводящих на мысли о рабочих и моряках, и не было среди них ни одного, который выглядел бы недавно принимавшим ванну. Их смех был грубым и хриплым. И смеялись они много, хотя в этом смехе не слышалось радости.

И женщины тут были совсем другие. Все, кого здесь видела Элизабет, носили яркие платья – атласные, расшитые

сверкающими камнями, и перья в волосах, и пышные нижние юбки, и чулки, выставленные на всеобщее обозрение. Их губы были слишком красны, ресницы – слишком черны, и хохотали они визгливо, громко и долго. В их смехе тоже не было веселья и радости, хотя собравшихся вокруг мужчин этот смех мог, пожалуй, одурачить.

Элизабет поняла, что это Падшие Женщины. Она никогда не видела их прежде, только слышала, как о них перешептываются леди, приходившие к маме на обед. Они всегда обсуждали Падших Женщин и Их Отродья, а также собственные небольшие акты благотворительности в пользу этих женщин и детей – хотя, конечно, благотворительность леди никогда не подразумевала, что они лично отправятся в Старый город раздавать еду и одежду. Нет, это поручалось слугам.

Падшие Женщины, похоже, пытались увести мужчин подальше от пабов, и Элизабет зачарованно наблюдала, как они приподнимают подолы юбок и расстегивают пуговицы на блузках. Одни мужчины не обращали на женщин никакого внимания, но другие бросали на них такие взгляды, от которых Элизабет съеживалась еще больше, потому что это были жадные, хищные взгляды. Ей хотелось крикнуть женщинам: «Нет-нет, убегайте! Они сделают вам больно!». Но у нее отчего-то возникло забавное ощущение, что женщинам это известно и они смирились со своей судьбой.

«Мне нужно убраться отсюда, пока кто-нибудь меня не увидел», – подумала девочка, хотя и понятия не имела, как

это сделать. Элизабет неловко пригладила волосы, такие золотистые и ухоженные, что они тут же привлекли бы внимание, попытайся она перейти через площадь. Элизабет передернуло от одной лишь мысли о том, что эти жесткие глаза хищников остановятся на ней.

Неподалеку стояла брошенная тележка – похоже, с нее когда-то продавали фрукты, но теперь она превратилась всего лишь в полусгнившее препятствие на тротуаре. Элизабет метнулась к этой рухляди и скорчилась за нею, зорко следя за кучками мужчин на площади. Она чувствовала, что опасность будет исходить оттуда.

Разумеется, в мире существовали и жестокие женщины – Элизабет не была настолько глупа, чтобы считать иначе. Но женщины здесь, на площади, казались озабоченными в основном собственным выживанием. Едва ли у них найдется время и желание гоняться за маленькой девочкой.

– Что мне нужно, – пробормотала Элизабет, – так это какой-нибудь плащ. Тогда я смогла бы обогнуть площадь и попыталась бы поймать кеб.

Взгляд ее заметался, ища магазин, или веревку с развешанным бельем, или еще что-нибудь. Нет, конечно же, она не собиралась ничего *воровать*. Элизабет бы оставила немного денег, хотя единственными деньгами, которые лежали в ее кармане, была монета, полученная ко Дню дарения, и она подозревала, что монета эта понадобится ей на проезд.

Тогда она может оставить записку с обещанием заплатить позже – при условии, что отыщет бумагу и перо, чтобы эту записку написать. Буквы Элизабет выводит очень красивые и даже умеет подписываться полным именем с красивым ро-счерком.

– Просто попробуй найти тут кеб, который отвезет тебя в Новый город, – сказал мышонок, ворвавшись в мысли девочки.

Элизабет опустила взгляд. Мышонок стоял на задних лапках, положив передние на край кармана, и смотрел на девочку снизу вверх. Выглядел зверек в точности так, как Элизабет представляла себе в туннеле – маленький, серый, мягонький на вид, с розовыми ушками-ракушками, повернутыми в ее сторону. Отличались только глаза. Глаза мышонка были ярко-зелеными, блестящими на мордочке крохотными изумрудами. Элизабет никогда не видела мышей с такими глазами.

– Если мне удалось попасть сюда из Нового города, наверняка у меня получится и вернуться туда, – сказала Элизабет с уверенностью, которой совсем не чувствовала.

– В точности то же сказала Алиса, но все получилось не совсем так, как она планировала, – откликнулся мышонок.

– Ах, Алиса, Алиса! – фыркнула Элизабет. – Я только и слышу, что об Алисе. Сколько раз мне повторять: я не Алиса!

Мышонок лукаво посмотрел на нее – если толькомышь

может выглядеть лукавой.

– Неужели? Твои родители тебя и родили-то, чтобы заметить ее. Их маленькая Алиса выросла и сошла с ума, так что им пришлось запереть ее, чтобы никто не видел ее безумия и боли, а у нее было столько боли. Но они не хотели этого знать, зато все еще хотели маленького питомца, которого можно любить, вот они и завели тебя и притворились, будто Алисы никогда не было.

Элизабет с трудом втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

– Вы говорите ужасные вещи. Страшные, кошмарные вещи вы говорите. Я думала, вы хорошая мышка, вы здесь, чтобы помочь мне.

Зверек слегка шевельнулся, вроде как пожав плечами:

– Иногда ужасные, кошмарные вещи и есть правда. Я всегда говорю правду, даже если это означает, что маленькие девочки-всезнайки перестанут считать меня милым созданием. Лучше быть честным, чем милым.

– Я не верю, что это правда, – возразила Элизабет. – Я думаю, что вы отвратительны.

– Да на здоровье, – равнодушно ответил мышонок.

Нет, это не может быть правдой – то, что сказала мышь. Ее родители никогда никуда не отослали бы своего ребенка, когда этому ребенку больно. И они наверняка родили ее не для того, чтобы «заменить» Алису. Это было бы чудовищно – во многих смыслах.

Это означало бы, что как Элизабет она ничего для них не

значит, что она – всего лишь замена девочки, которая вдруг отчего-то сделалась нежелательной, никуда не годной. Алиса значила для них так мало, что вместо нее подошел бы любой.

«Нет, я в это никогда не поверю, – яростно подумала Элизабет. – Никогда, ни за что».

«Но почему же никто никогда не упоминал об Алисе, разве что по ошибке?»

Нет, нет, нет, она не станет размышлять и тревожиться об этом сейчас. Ей нужно выбраться из этого жуткого места и вернуться домой. Когда она окажется в безопасности своей комнаты, с плотно набитым животом, с дочиста вымытыми волосами, тогда и подумает обо всех этих неприятных вещах.

– Плохо, что я не могу превратиться в мышь и прошмыгнуть через площадь, – сказала Элизабет.

– Кто сказал, что ты этого не можешь, но тогда где окажусь я? – поинтересовался мышонок.

– Вы могли бы бежать рядом со мной. И проводить меня, конечно.

– Конечно, – фыркнул мышонок.

Элизабет показалось, что она уловила легкую язвительность в тоне зверька, и уже собиралась резко ответить – в конце концов, тот сидел в ее кармане, – когда мышонок заговорил снова:

– Но превращаться ужасно трудно, и если не знаешь, что делаешь, то лучше, пожалуй, и не пытаться. Если только не

хочешь всю оставшуюся жизнь проходить с хвостом и усами.

– Пожалуй, что не хочу.

– Ну, тогда ты должна придумать, чем тебе укрыться.

– Именно это я и говорила. Но тут нет никакого плаща.

– Нет-нет, плащ тут ни при чем, – пискнул мышонок. –

Разве я не сказал, что ты волшебница? Ты можешь укрыться своей магией, и никто тебя не увидит.

Элизабет нахмурилась. Прodelать дверь в стене уже было достаточно сложно. Способна ли ее магия помешать всем этим людям – а их немало – увидеть ее?

– Как мне это сделать? – спросила она.

И снова мышшь шевельнулась, будто пожала плечами, хотя плеч-то у нее на самом деле и не было.

– Откуда мне знать? Я всего лишь мышшь.

Элизабет пробормотала себе под нос слово, которое, случилось, говорил папа, когда был особенно зол. Мышь тихонько хихикнула.

Ладно, ей не нужна помощь какой-то там глупой мышши. Она способна сама решить свои проблемы и не собирается просить снова, выставя себя дурочкой.

Все, что она делала до сих пор, было так же просто, как желание, но желать чего-то гораздо труднее, когда ты замерзла, голодна и боишься, что тебя поймают. Элизабет очень хотелось положиться на кого-то другого (хотя она никогда, никогда не призналась бы в этом вслух), потому что, если ты ребенок, это тебе и полагается делать – позволять взрос-

лым решать, как лучше. Но взрослые, которые находились вокруг, были не из тех, кому можно доверить принимать за себя решение, так что Элизабет вернулась к тому, с чего начала. Ей придется разбираться самой.

«Я хочу...» – подумала она и тут поняла, что мысль эта весьма неопределенна и ей нужно вложить в нее намного больше *энергии*, если она хочет, чтобы желание осуществилось.

«Я хочу...» – подумала она снова, и в этот момент ей показалось, что один из мужчин по ту сторону площади заметил ее. Возможно, ее выдали светлые волосы или трепещущий на ветру край голубого платья, но сейчас на нее определенно смотрели или по крайней мере смотрели на тележку.

Внутри все сжалось, скрутилось узлом, и Элизабет, скорчившись от ужаса, зашептала:

– Ты меня не видишь, не видишь, не видишь.

Она напряженно прислушивалась, не раздадутся ли торопливые шаги, или приближающийся смех, или чей-нибудь окрик: «Эй, куда это ты?».

«Если кто-то подойдет, я просто побегу, побегу, побегу, и он, возможно, опешив, не увидит меня».

Но этот «кто-то» может подойти с друзьями, с друзьями, которые окружат ее, и схватят, и потащат, кричащую, и Элизабет ничего уже не сможет сделать, потому что она маленькая, слабая и напуганная.

– Значит, они вообще не должны увидеть меня, и они не

увидят, не увидят, не увидят, я сливаюсь со стеной, с тележкой, с землей, с небом, куда бы они ни посмотрели, я как вода, сквозь которую все видно, а они не заметят даже малейшей ряби, и никакие жестокие глаза не увидят меня, и никакие жестокие руки меня не коснутся, они не видят меня, не видят, не видят.

Она так сильно сосредоточилась на своем желании, что и не услышала, как смотревший в ее сторону мужчина подошел ближе. Сначала Элизабет увидела его башмаки – растрескавшиеся коричневые кожаные башмаки, из подметок которых торчали шляпки гвоздей, лязгающих о брусчатку. «Я должна была это услышать, правда должна была». А выше башмаков – шерстяные штаны, выдавшие лучшие дни (и отчаянно нуждавшиеся в стирке, ведь исходивший от них запах был настолько ужасен, что Элизабет затошнило).

Взгляд ее поднялся еще выше, скользнул по бурому кожаному поясу с подвешенным к нему ножом с серебристой рукоятью, в таких же бурых кожаных ножнах, и по коричнево-му жилету поверх синей рубахи, застегнутой лишь наполовину. Грудь мужчины пересекал длинный выпуклый шрам, а кожа выглядела не чище штанов. Элизабет боялась посмотреть ему в лицо, боялась увидеть его жадные глаза, но потом сказала себе, что она не перепуганная мышь – даже если чувствует себя именно так, – и вскинула взгляд.

Мужчина был небрит, а глаза его – жесткие, пронзительно-голубые – переполняло удивление. Он смотрел на скор-

чившуюся Элизабет, и лицо его кривилось в крайнем замешательстве.

«Он не видит меня», – подумала девочка, и эта чудесная мысль наполнила ее ликованием. Она видела его четко и ясно, замечала каждую морщинку вокруг его глаз, но он смотрел прямо на нее – *и не видел*.

Грязной рукой мужчина поскреб в затылке и обогнул тележку.

– Все путем, Эйб? – окликнул его приятель с той стороны улицы.

– Мне показалось, я что-то видел, – ответил Эйб, но, хотя его башмаки едва не задели Элизабет, мужчина совершенно не осознавал, что она здесь.

«Получилось! Я это сделала!»

– Я же говорил, что ты волшебница, – пропищал мышонок ужасно самодовольно.

– Но вы не сказали мне, как колдовать, так что даже не думайте приписывать себе все заслуги, – срезала его Элизабет. – Это моих рук дело.

– Если ты такая умная, подумай о том, что тебе лучше побыстрее убраться с площади, пока чары не развеялись.

Элизабет очень хотелось съязвить что-нибудь в ответ, но она сразу оценила разумность слов мыши. Ей удалось укрыться от глаз одного человека, но это не обязательно означает, что она способна спрятаться ото всех.

«А придется, – подумала она, – иначе я никогда не вернусь

домой».

Элизабет чувствовала себя очень усталой, измученной, вымотанной, как никогда прежде. Дом был не так уж и далеко – если говорить о расстоянии, – но, чтобы добраться туда, ей предстояло выполнить слишком много задач. И хотя она, конечно, очень умная девятилетняя девочка, факт остается фактом: она при этом *всего лишь* девятилетняя девочка, совсем не привыкшая заботиться о себе.

«Стенаниями ничего не исправишь, Элизабет Вайолет Харгривс. Поднимайся и спасай себя, потому что никто не собирается делать это за тебя».

Мысль вроде бы принадлежала Элизабет – только, пожалуй, более взрослой ее версии. Как будто будущее «я» журило ее.

«А может, это Алиса, может, Алиса помогает мне».

Нет, она больше не погонится за Алисой, даже в мыслях. На сегодня с нее уже достаточно голосов в голове.

Элизабет сделала глубокий вдох и встала. Она старалась не думать о яркости своего голубого платья и золотистых локонх, чтобы не стать ненароком более заметной.

«Ага! Вот оно!»

Необязательно делать *себя невидимой*. Нужно лишь позаботиться о том, чтобы никто ее не заметил, а это совсем не одно и то же.

Люди толпились в основном на другой стороне площади, вдали от разбитой тележки. С площади вели два выхода –

мощенная дорога, пролегающая слева от Элизабет, и узкий проулок, открывающийся прямо напротив нее. Проулок резко уходил вбок по диагонали, поэтому Элизабет со своего места не видела, что там творится и насколько он длинный.

Если чары рассеются, на дороге она останется незащищенной. А чтобы добраться до проулка, нужно пройти прямо сквозь толпу. Кроме того, Элизабет вовсе не хотелось опять оказаться в каком-нибудь туннеле. А что, если на той стороне вообще нет выхода?

Нет, придется рискнуть и пойти по дороге. По крайней мере, там будет куда бежать, если в том возникнет необходимость, хотя она искренне надеялась, что не возникнет, поскольку беготней уже насытилась по горло, на всю оставшуюся жизнь, решив для себя: она не из любителей бега. Она из любителей спокойно-сидеть-за-столом-с-чаем-и-тортиком.

Хорошо, конечно, знать, что ты за человек, размышляла она, огибая тележку и выходя на дорогу. Это помогает избежать суеты и избавляет от попыток делать то, к чему у тебя изначально не лежит душа.

На ходу Элизабет повторяла про себя: «Вы меня не видите, вы меня не замечаете, тут ничего нет, кроме пустого воздуха». И похоже, это работало. Никто из находившихся на площади, кажется, не видел ее.

– Будь осторожна, – шептал мышонок. – Будь очень осторожна.

Элизабет молчала, потому что это могло привлечь к ней

внимание, ведь тот, кто услышал бы ее голос, мог заметить и ее саму. Но то, что мышь продолжала поучать ее и говорила какие-то и без того понятные банальности, весьма раздражало. И девочка подозревала: говорит зверек только потому, что знает – сейчас Элизабет точно не ответит.

Двое мужчин со смехом и криками вдруг отделились от толпы. Краем глаза Элизабет наблюдала, как они идут, пошатываясь и поддерживая друг друга.

«Очевидно, переборщили со спиртным», – с отвращением подумала она. Элизабет не вполне понимала, что такое «спиртное», но знала: от него люди дурно пахнут и совершают порой дурные поступки.

Как-то раз Элизабет услышала, как одна из судомоек, Фиона, рассказывает о «своем Берте» и о том, что он делает, когда выпивает слишком много спиртного. Берт был одним из мальчиков-подручных конюха – ну, на самом-то деле, конечно, мужчиной, но подручных конюха всегда называют мальчиками. Элизабет тогда прошмыгнула в кухню, чтобы попробовать выпросить лишнюю порцию взбитых сливок. Она пришла, когда Фиона и Кухарка сидели за большим столом, на котором Кухарка готовила пирожки и пирожные. Фиона плакала, и под глазом у нее был большущий черный синяк, а Кухарка держала ее за руку и утешала. Элизабет решила, что сейчас неподходящее время для выпрашивания запретных лакомств, и тихонько удалилась, пока никто из женщин ее не заметил.

Двое пьяных мужчин двигались неровной походкой, зигзагами, и Элизабет стоило немалого труда избегать их. Каждый раз, когда ей казалось, что она уже разминулась с ними, они вновь появлялись рядом, кренясь то в одну сторону, то в другую. Бежать ей не хотелось – и потому, что она, как уже решила, не была бегуньей, и потому, что каблуки ее туфелек наделали бы слишком много шума, – а она пыталась сочетать быструю ходьбу с тишиной.

Один из мужчин, дико жестикулируя, вскинул руку, и кончики его пальцев задели ленту, вплетенную в ее волосы.

Элизабет, не сдержавшись, охнула и тут же подумала: «Ты не видишь меня, не видишь, не видишь, тут ничего нет, только твоё воображение».

Опешивший мужчина остановился, так что Элизабет поспешила вперед; она услышала, как пьяный сказал своему приятелю:

– Мне вдруг показалось, что я до чего-то дотронулся. Вроде как до волос девчонки.

И его друг ответил:

– Не принимай желаемое за действительное, Эд.

– Но я ее и слышал, – запротестовал Эд. – Она вроде как вскрикнула.

Элизабет не стала задерживаться, чтобы дослушать беседу. Важнее всего сейчас было убраться подальше.

Улица, по которой шла девочка, выглядела немногим лучше площади, которую она покинула. Тут разместилось

несколько заведений поприличнее – пабы, книжные лавки, портняжные мастерские, – но у многих домов все так же стояли женщины почти что в исподнем и окидывали прохожих заманивающими взглядами.

И вот что еще странно – улицу словно выкрасили некогда в красный цвет, особенно вдоль обочин, по краям тротуара.

«Как будто тут текла красная река и оставила после себя следы».

За этой мыслью немедленно последовала другая:

«Я должна вернуться домой, где из красного только мамины розы да мои ленточки».

Элизабет шла и шла, чувствуя, как нарастает в душе отчаяние. Она не думала, что забралась так уж далеко от Нового города, но выскакивая вокруг здания мешали разглядеть, в какую сторону нужно идти. Просить кого-то о помощи казалось слишком рискованным, и девочка не видела ничего, что могло бы сойти за кеб.

Если в ближайшее время она не найдет выхода отсюда, то с наступлением ночи так и останется в Старом городе, а Элизабет отлично понимала – Ничего Хорошего ей это не сулит.

В этот момент что-то привлекло ее внимание и заставило замереть посреди улицы, повернув голову.

– Что там? – прошептал мышонок, уже некоторое время молчавший.

Девочка не ответила, пытаясь понять, не почудилось ли

ей то, что она вроде бы увидела.

Нечто маленькое, пурпурное, искрясь и мерцающая-подмигивающая, как будто подзывало Элизабет из узенького проулка. Предмет был виден только с того места, где стояла девочка, да и то она никак не могла сфокусироваться на нем. Проулок тонул в тени, хотя и не такой густой, как в том дурацком туннеле. Элизабет ясно видела Т-образный перекресток в конце проулка, значит, даже если она свернет туда, выход все равно будет.

Ей действительно хотелось пойти туда, несмотря на твердое убеждение, что снова оказаться в ловушке – не слишком хорошая идея (ведь для одного дня с нее и так вполне достаточно). Пурпурная искрящаяся штучка звала ее, притягивала, заставляла двигаться, не осознавая, зачем она это делает.

– Элизабет! – пискнул мышонок.

Она сделала вид, будто не услышала, поскольку опасалась, вдруг зверек станет ругать ее за то, что она отклонилась от курса.

А потом грубые мужские руки схватили ее, обвили и стиснули, будто лианы, и жаркое чужое дыхание ударило в ухо:

– Ого, какая добыча. Отличный подарочек! Гляньте на это прелестное, сладенькое создание, такое сладенькое, что аж зубы сводит от желания попробовать.

Ее оторвали от земли безо всякого труда, будто пустой мешок, и стиснули так сильно, что задушили на корню рвущийся из груди крик.

«Что случилось, что случилось, как он меня увидел, как он узнал... ой, знаю, наверное, магия выветрилась, потому что я отвлеклась, отвлеклась, как глупая сорока на блестящую штучку...»

«Паника не поможет тебе, Элизабет».

Опять этот голос, голос старшей сестры. Такой твердый, такой ясный, что Элизабет сразу успокоилась. А когда успокоилась, ей стало легче думать о том, как спастись.

Сначала нужно вырваться из хватки мужчины. А потом побежать, быстро-быстро, чтобы он не мог снова ее поймать.

«Ох, бежать, ну не хочу я бежать, я только и делала после того, как ушла с Большой площади, что бегала».

Мужчина нес ее куда-то, грубо встряхивая. Элизабет лягнула его, и твердые каблочки ее туфельек погрузились в его рыхлую плоть. Мужчина сердито вскрикнул, но не уронил девочку, как она надеялась. Напротив, он стиснул ее еще сильнее – точно затянулся аркан.

– Только попробуй еще разок, и тебе не понравится то, что я сделаю, мое прелестное создание.

Элизабет была твердо уверена: ей в любом случае не понравится ничего из того, что он мог бы сделать. А еще она понимала, что, оказавшись в его логове, исчезнет навсегда – глупая маленькая девочка, которая пошла на поводу своего любопытства и плохо кончила.

Нужно заставить его отпустить ее. Элизабет уже делала так прежде, в туннеле. Тот человек, который схватил ее, кри-

чал, мол, она сделала что-то с его руками. Вот только она не знала, что именно сотворила, а думать в тот момент, когда тебя стискивают, едва не ломая ребра, а голова мотается из стороны в сторону, очень трудно.

«Сделай ему больно».

То был не голос «старшей сестры», и не тот, другой Голос, и даже не шепот мышки, сидящей в ее кармане (которая сейчас, в момент настоящей опасности, совсем притихла, а может, просто выпала из кармана, и ее раздавил тяжелый башмак). Эта мысль принадлежала Элизабет и только Элизабет, и как только она пришла ей в голову, идея опалила девочку, как пламя.

«Пламя, да, я жгучее пламя, и этот огонь не причиняет мне вреда, зато делает больно ему, так что он горит и дымится».

И тут она ощутила вонь, жуткую вонь поджаренной плоти, а мужчина закричал и уронил ее на землю. Элизабет упала, ударилась, перекатилась на бок и замерла, чувствуя боль во всем теле и пытаясь отдышаться, потому что мужчина выдал из нее весь воздух.

А тот скакал на месте, будто приплясывал; языки пламени тянулись от его ладоней, мгновение назад стискивавших Элизабет, и лизали грудь, к которой он прижимал ее. Вокруг собралась толпа – люди высыпали из ближайших домов, стянулись со всей улицы, чтобы поглазеть на потеху. Никто, казалось, не замечал лежащей на земле девочки, и Элизабет

осторожно откатилась, чтобы не попасть зевакам под ноги.

Потом она поднялась и попыталась сориентироваться. Она думала, что мужчина унес ее не слишком далеко, но сейчас важнее всего было не броситься сломя голову куда попало, чтобы не оказаться вновь на той кошмарной площади, ведь едва ли Элизабет удастся еще раз сотворить то заклинание невидимости.

От запаха человека, сторающего заживо, тошнило. И хотя Элизабет знала, что он собирался причинить ей вред, если бы она не остановила его, он сделал бы с ней что-то ужасное, что она имела полное право помешать ему – все равно ей стало не по себе.

Ведь он сейчас умирал, умирал из-за нее, а осознание этого не очень-то приятно для маленькой девочки.

Она не видела его сквозь толпу, зато слышала, и вдруг крики его перестали быть невнятными воплями боли и сменились словами:

– Ты вовсе не прелестное создание! Во все нет! Ты не подарок, не добыча! Ты наказание! Ты гадкая, гадкая, гадкая девчонка!

Странно, но от этих слов ей стало лучше. «Не добыча, а наказание». Да, Элизабет понравилась мысль о том, что она – наказание для любого, кто посмеет обращаться с ней как с куклой.

«Я это запомню, – яростно подумала она. – Я не подарок. И я не добыча и никогда ничьей добычей не буду».

И тут она вновь услышала зов блестящей штуковины – и на миг замешкалась, сопротивляясь. Допустим, она все-таки выяснит, что это такое. Как это поможет ей добраться домой?

«А вдруг все-таки поможет? Вдруг ты пойдешь туда и обнаружишь, что путь в Новый город лежит как раз за поворотом того проулка, то есть блестящая штучка покажет тебе дорогу, как Полярная звезда?»

Будь Элизабет по-настоящему честна с собой, она бы признала: ей просто хочется разузнать, что же это такое, в точности так же, как ей хотелось увидеть, какое лицо у человека-птицы. Она не могла справиться с любопытством. Отвернись она от зова подмигивающего пурпурного предмета в конце проулка, мысль о неразгаданной тайне преследовала бы ее вечно, превратившись в незаживающую рану, которую девочка постоянно бы бредила и расковыривала.

Такова была ее слабость. Ей *нужно* было знать. Не могла она довольствоваться неведением.

Но теперь ощущения были совсем другими. Зов уже не манил ее, вводя в транс, как раньше. Сейчас Элизабет была уверена в том, что сама делает выбор.

Она вообще чувствовала себя увереннее. Не боялась взглядов проходящих мимо взрослых, поскольку знала, что если кто-то из них дотронется до нее, она его подождет, как того мужчину, который пытался ее похитить. Да, она это делает. Не побоится.

«И все же я – прелестное создание, – думала она. – Создание из кости, золота и пламени, и никто не может причинить мне вреда».

«Я не такая, как сказал тот мужчина в туннеле. Я вовсе не Алиса».

– Куда ты идешь?

Вопрос поразил ее, потому что сначала Элизабет подумала, будто к ней обратился один из многочисленных прохожих, но тут же вспомнила о мыши. Она посмотрела на карман платья и увидела, что мышонок тоже смотрит на нее этими своими удивительными зелеными глазками. У мышей не должно быть таких глаз. И кстати, мыши не должны разговаривать.

– Мне казалось, ты хочешь выбраться из Старого города, – сказал мышонок.

– Хочу.

– Тогда ты определенно идешь не в ту сторону. Этот путь ведет обратно на площадь.

– Знаю.

– Куда же ты тогда направляешься, маленькая Алиса?

– Я не Алиса, – возразила Элизабет, только на сей раз довольно рассеянно.

Она вслушивалась в напевный зов искрящейся пурпурной штучки. Возможно, это какая-то драгоценность? Только драгоценности так блестят.

И вот перед ней вытянулся проулок – безобидный на вид

проход между двумя зданиями.

Появление человека с птичьим хвостом казалось теперь уже очень далеким, чем-то, что случилось давным-давно, с совсем другой девочкой по имени Элизабет.

Она смутно осознавала, что сейчас привлекает к себе внимание. Что на нее глазают, замышляя и вождедея.

Но эти взгляды не волновали ее. Элизабет не собиралась опять попадаться в плен. Единственное, что заботило ее сердце и разум, – поиск сверкающей пурпурной драгоценности. Которая, в отличие от мужчины с птичьим хвостом, не могла от нее убежать.

Элизабет шагнула в проулок.

– Нет, не думаю, что ты должна это делать, – в голосе мышонка отчетливо звучала тревога. – Там нет ничего, с чем стоило бы связываться маленькой девочке.

Элизабет слышала слова мыши, но их смысл ускользал, палой листвой слетая на землю.

В переулке было прохладно и тенисто, но не так темно, как в туннеле. Элизабет видела и каждый кирпич в стене, и серовато-белую известь в щелях между этими кирпичами, скреплявшую их. Кроме нее, в проулке никого не было.

Значит, драгоценность достанет только ей, ей одной.

Шум улицы почти мгновенно затих, едва девочка двинулась к пурпурному предмету. Теперь он не просто пел ей – будь он человеком, он неистово махал бы рукой, подзывая ее. Он посылал сигналы, расшифровать которые могла лишь

Элизабет.

«Никто не слышит его, кроме меня. И никто, кроме меня, не знает о нем».

Но мышонок тут же опроверг это утверждение, заявив:

– Держись подальше от этой штуки, Элизабет Вайолет Харгривс.

Имена обладают силой, особенно когда тебе всего девять лет. Когда Элизабет слышала, как кто-то произносит ее полное имя, да еще таким властным тоном, все внутри нее обрывалось, ведь это обычно означало, что она сделала что-то не так и взрослые обнаружили ее проступок.

Вот и сейчас мышка перечислила все ее имена и фамилию, и это заставило Элизабет остановиться, как не смогло бы заставить ничто другое, и тем самым разрушило чары зовущей песни.

Элизабет очень, очень рассердилась и, заговорив с мышкой, не могла скрыть своего гнева:

– И что же об этом знаешь, а, маленькая мышь?

– Я знаю куда больше, чем ты думаешь, маленькая девочка, – ответил мышонок, и говорил он сейчас совсем не как мышь. – Я знаю, что Алиса победила его, спрятала в склянке и вынесла прочь из Города. Поэтому сейчас его, взывающего к тебе, вообще не должно быть здесь.

– Опять Алиса! – выкрикнула Элизабет. – Довольно с меня Алисы, и тебя с меня довольно! Если я решила увидеть, что это за драгоценность, тебе меня не остановить. Ты всего

лишь маленькая мышь!

И Элизабет вытащила мышку из кармана и опустила ее на землю – нет, не грубо, потому что не хотела причинять ей боль, а хотела только, чтобы она прекратила докучать ей.

– Беги-ка отсюда, мышка. Уверена, кто-нибудь оставил тебе немного крошек.

Элизабет отвернулась, не обращая внимания на возмущенный писк, доносящийся откуда-то из района пряжки ее туфельки. И хотя девочка почувствовала легкий укол сожаления – все-таки зверек пытался ей помочь, – она решила, что не станет подбирать его. Она так *устала* от этой истории с Алисой.

«И мышка вовсе не была милой: она сказала, что мама с папой завели тебя, только чтобы заменить Алису. Как будто они вышвырнули Алису на помойку вместе с мусором, а это, конечно, не так, это все неправда».

Сверкающая штучка становилась все ближе и ближе. Нет, она совсем не была похожа на белохвостого человека-птицу, который все время исчезал вдалеке, как Элизабет ни старалась его догнать.

По спине девочки пробежала дрожь предвкушения. Несмотря на то что она узнала о существовании пурпурной драгоценности меньше часа назад, ей казалось, будто разум ее был занят этим предметом много дольше. Как будто знание о нем всегда хранилось в ее голове, скрываясь где-то между мыслями о тех местечках в спальне, где можно пря-

тать сдобные булочки так, чтобы их не нашла мама, и о том, как отомстить Полли за то, что та рассказала маме о ее последнем укромном уголке.

Чем ближе подходила Элизабет, тем больше подробностей обретали четкость, как будто она смотрела в подзорную трубу. Сверкающая штучка оказалась стеклянной баночкой, очень маленьким пузырьком, с запечатанным горлышком. Слянка стояла в самом центре деревянного столика. Но девочка все еще не могла разобрать, что же находится там внутри, под стеклом.

Трепет возбуждения объял ее. Скоро она увидит то, что ее зовет, то, что блестит, и подмигивает, и машет ей. Положит это в карман, унесет домой, и оно будет принадлежать ей вечно.

Но тут что-то заставило ее снова остановиться. Что-то тут было не совсем правильно, что-то бредило ее разум, назойливо, как та горошина под матрасом принцессы.

«Это неправильно, совсем неправильно. Этот столик, эта слянка, здесь, на улице, на виду у всех? Что, если это ловушка?»

Она замедлила шаг.

«Что, если полицейские пытаются поймать воров, заманивая их драгоценностью? И как только я протяну руку, они набросят на меня сеть и посадят в тюрьму».

Элизабет призадумалась. Если это такая ловушка, то ей она только на пользу. Полицейские, несомненно, увидят, что

она не отсюда, что она – дитя Нового города. Может, они даже помогут ей благополучно добраться домой.

«А может, это другая приманка и с сетью возле нее ждет вовсе не полицейский».

– Нет, даже если и так, никто меня не поймает, – пробормотала Элизабет. – Я им не позволю.

И все же она сомневалась. Подошвы волочились по брусчатке, словно увязая в патоке. «А разве ты этого не хотела, Элизабет? Не собиралась открыть пузырек, и положить его в карман, и назвать своим?»

Внезапно идея перестала казаться ей такой уж чудесной. Может, потому, что она, рассердившись, бросила мышь и теперь сожалела об этом. А может, потому, что от зова и подмигиваний пурпурной штучки ей делалось как-то скверно. Манящая песня испортилась, словно начав горчить, и Элизабет хотелось заткнуть уши, чтобы больше не слышать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.